

Точапок століття

Творчі
шукання
співробітників,
викладачів
і студентів
Харківського
національного
медичного
університету

Альманах

Харків
2018

УДК 379:825:7:8:378.6:61(477.54-25)-051ХНМУ(059)

П 65

Редакційна група: С.О. Краснікова (гол.редактор), Л.В. Фоміна (заст.гол. ред.),
І.В. Летік (відп.секр.), Н.Ф. Дмитрієнко, І.В. Запорожець

Концепт-дизайн: В. Ск!п

Затверджено Вченою радою ХНМУ
(Протокол № 11 від 15.11.2018)

Альманах започатковано у 2011р. ректором ХНМУ, доктором медичних наук, професором, членом-кореспондентом НАМН України Володимиром Миколайовичем Лісовим

П 65 **Початок** століття: творчі шукання співробітників, викладачів і студентів Харківського національного медичного університету : альманах / редкол.: С. О. Краснікова, Л. В. Фоміна, І. В. Летік [та ін.]. – Харків : ХНМУ, 2018. – 96 с.: іл.

В альманасі зібрано твори різної тематики та жанрів, які присвячені темам кохання, віри в Бога, улюбленій професії тощо. Автори діляться з читачами переживаннями, спогадами про близьких та рідних.

Рекомендовано широкому колу читачів.

Мова: українська, російська, англійська

УДК 379.825:7:8]-051:378.4(477)
ББК 74.58+84+85(4УКР)

© Харківський національний медичний університет, 2018
© «Майстерня Ск!п!в», дизайн, 2018

Початок
століття

Мановні читачі!

Лет часу ніхто не в змозі зупинити, та нам під силу залишити по собі ті здобутки, які поцінують і наші сучасники, і наші нащадки...

Перед вами вже сьомий випуск альманаху «Початок століття» — книги, де зібрано творчий доробок співробітників, студентів та випускників Харківського національного медичного університету, які знаходять час для творчості й натхнення в напруженому графіку професійної діяльності та навчання.

Тож ще раз ми маємо можливість переконатися у правдивості слів М. Рильського, які вже давно стали крилатими: «У щастя людського два рівних є крила: троянди й виноград, красиве і корисне...».

Приємно зазначити, що в цьому виданні альманаху ми знаходимо не лише добре відомі імена, а й імена нових дописувачів, творчі роботи яких стали своєрідною родзинкою, зокрема це роботи англійських студентів.

Довготривалість нашого проекту дарує нам віру в те, що творчість і наснага — нескінченні категорії. Тож впевнений, що наступні видання поповнюватимуться новими цікавими й оригінальними роботами.

Ласкаво просимо до мистецької майстерні!

Невичерпної наснаги авторам альманаху та естетичної насолоди читачам!

З повагою
В.М. Лісовий

Моезия,
проза

Завідувач кафедри філософії, доктор
філософських наук, професор

Пам'ять кожної людини наповнюється певним досвідом і мудрістю, які вона накопичує протягом свого життя. У цьому досвіді віддзеркалюються її почуття до людей і оточуючого світу, любов до рідної Батьківщини, любов і повага до рідних і друзів, до студентів і своїх колег. У цьому досвіді переважають ті цінності, яким людина надає перевагу, ті почуття, які так бентежать її душу. Вони надихають її на створення поетичних роздумів про головне у своєму житті.

Прилетіла додому лелека,
Прилетіла з країв далеких.
Прилетіла на батьківщину,
Повернулася в свою родину.

Повернулася до рідного птаха,
Що залишився в їхній хаті,
Бо не зміг летіти далеко,
Було хворе крило у лелеки.

Він страждав як вона відлітала,
Плакав як вона в небо злітала,
Та не міг до неї піднятися,
Щоб в обіймах з нею літати.

І страждав він на самотинні,
Все чекав свою рідну дружину,
Поглядав постійно на небо –
Де його кохана лелека.

І вона повернулася до нього,
Заглядала в очі вологі,
Наче все спитати хотіла,
Ти мене чекав, мій милий.

Обійняв її міцно лелека,
Не літай більше так далеко,
Я не зможу без тебе жити,
Буду плакати і тужити.

Подивилася на нього лелека,
Пригорнулася до нього тихенько,
Мовчки слъози свої ковтала, –
«Із-за тебе весь час я страждала.

Я не буду тебе покидати,
Будемо разом зимувати,
Зігрівати свою хатину,
Берегти любов і родину».

Мудрість дана не кожному,
Мудрість – важкий тягар,
За мудрість кидали на вогнище,
За мудрість загинув Сократ.

Пройшло не одне століття,
А світ не міняється знов,
І душу за мудрість калічать,
І лється за мудрість кров.

Жорстокий бій під Іловайськом,
Де полягли наші сини...
Ще не навчились цілуватись,
А вже відчули гнів війни.

Дорослими так стали рано
І враз з'явилась сивина.
Вони війну і не чекали –
Війна сама раптом прийшла.

Прийшла, щоб вбити Україну,
Прийшла свободу задушить,
Вбиває без вини, невинних,
Вбиває рідних і близьких.

Порушила наш мирний спокій,
Забрала в матерів синів,
Забрала в них любов коханих,
Веселий сміх, веселий спів.

Забрала мрію у майбутнє,
Всі їхні радощі буття.
Не знали – можуть повернутися,
А може віддадуть життя?

На землю впали краплі крові,
Як хтось посіяв маків цвіт –
Ми пам'ятаємо з любов'ю
Усіх, хто нам свободу ніс.

Знову спогади душу бентежать,
Знову пам'ять не знає спокою.
Наяву поринаю в безмежність
І життя, і минулої долі.

Більшість років уже пролетіли,
Сивина мою голову вкрила.
Не одразу душа зрозуміла,
Що потроху зомліли і крила.

І не можуть піднятися до сонця,
І не можуть злетіти до неба,
А як хочеться рано-вранці
Відчинити своє віконце.

І побачити світ жаданий,
Теплий дощик, що тихо лється,
А на небі веселка-райдуга
Всіма барвами зверху сміється.

І до танцю веселого кличе,
І замріяно стрічки малює,
Зазирає тобі в обличчя,
Там де світ дивовижний вирує.

Зима в цей рік так і не наступила
І загубила десь свої права,
Весна їх швидко підхопила
І людям радо понесла.

Вона несла в своїх долонях
І сонце, й радість, і любов –
Всього, чого не вистачає,
Щоб тільки відродить добро.

Не треба носити образи,
І не вибачати людей,
Ми всі десь недосконалі,
Як і багато речей.

Ми недосконалі в любові,
У вчинках до близьких й батьків,
Неначе поєднані в змові
Творити як більше гріхів.

Чого ми такі гордовиті,
Не бачимо своєї вини –
Не хочемо Богу вклонитись,
Підняти очей від землі.

Шукаємо щось під ногами,
Складаємо здобутки свої,
Забувши, що ми їх дістали
Не завжди в чесному бої.

Тож треба признати провину,
А інших не можна судить,
Завжди залишатись людиною
І совість свою не згубить.

Наталія Гужва

Клинический ординатор ХМАПО.
Выпускница II медицинского факультета
ХНМУ

В 2014 году стала стипендиатом стипендии Кабинета министров и «Молодой женщиной года - 2014». В 2018 году окончила клиническую ординатуру кафедры терапии и нефрологии ХМАПО.

Пишет стихи и прозу. В 2017 году получила Отличие оргкомитета XI областного конкурса им. А.С. Масельского за лучшее литературное произведение. В 2018 году награждена Почетной Грамотой за активную общественную позицию и участие в областном отраслевом поэтическом конкурсе «Симфония души».

Моя країна

Україна – країна краси,
Справжнє чарівне, рідне диво.
Блакитне небо, зелені ліси –
І все таке чисте, таке незрадливе,
Що навіть дихати тут особливо.

І сядеш десь тут, біля верби.
Почуєш ти вітер, якісь голоси,
Якщо тобі важко глибоко в душі,
Ти з Богом отут сідай, говори.

Скажи, що ти маєш сказати йому,
Що долю свою кожен міг обирати,
Що міг би ти жити в далекому краю,
Та щастя там довго, прикро шукати,
Та вибрав єдину країну – свою Україну.

Тут щастя почав все життя будувати
Та рідну сім'ю оберігати,
Стареньку матусю щодня годувати,
Дерева та квіти в саду поливати.

Отож під вербою я хочу сказати:
«Спасибі тобі, що я тут, коло хати,
Знайшов усе те, що не треба шукати,
За те, що дала мені мати, родина,
Та рідна і щира моя Україна».

Мое продолжение

Мне о тебе напомнил запах роз шиповника,
Ты снов моих всех господин
и объяснений сонника,
В твоих глазах я вижу небесный свет Вселенной
И смысл Бытия на этой земле брэнной.

Кто только для тебя я, мне непонятно.
Придумать, что меня ты любишь – невероятно,
Одна, одна лишь вера, как первопричина,
Зачем-то мне сказала: ты – мой Мужчина.

Моя надежда

У изголовья лежал телефон,
Я не ждала от кого-то звонков,
Лишь ты мог мне написать смс,
Больше мне не от кого ждать чудес.

Я бы хотела тебя обнять
И просто отдать любви тепло,
Хочу, чтобы знал, – моя душа
К твоей приходила, едва дыша.

Она хотела рассказать о просьбе,
Ведь шансов на жизнь у нее не осталось,
И, может, ты смог бы ее спасти,
Ты Бог и король был ее судьбы.

Гость альманаха

Я родилась в маленькой латиноамериканской стране. Это было так давно, что дату помнит, наверное, только Великая Ма.

Моими учителями стали книги Сервантеса, Маркеса, Борхеса и других неунывающих авторов.

В Какнадо, стране, в которой мне посчастливилось родиться, жизнь всегда была яркой, бурной, как чаша вскипающего океана. Она наполнена событиями, чудесами, отважными людьми, многие из которых до сих пор живы в моей памяти. Наверное, все это и заставило меня взяться за перо.

У нас в Какнадо говорят: «Жизнь состоит из историй, которые о ней хочется рассказать!»

Вот я и рассказываю.

Хуана-Мария-Лола-Фейк-София д'Аморале (Владимир Компаниец, Константин Улыбин)

Пращка, охотник и грязные смыслы, или Вечером в пятницу

«Какая же она дура! Она ему неинтересна» — мысль больно обожгла Марисабель. Она была горячее, как выпавший из печи уголек, и точно так же могла стать причиной пожара. Еще пару минут раздумий и все. Не унять! Чтобы ее прогнать, Марисабель поспешила вернуться к работе. Здесь, на берегу ручья, она отмывала смыслы. Работа была не столько тяжелой, сколько кропотливой. В последнее время многие смыслы так испачкались, что отскоблить с них наслоившуюся грязь требовало больших усилий. При этом смыслы, словно кошки, не любили воду и были скользкими, как выловленная поутру рыба. Так что отмывка иногда превращалась в сущую каторгу. Будто на дворе сплошной понедельник и неделе не видно конца края. А меж тем над миром царил пятница. Да и та уже клонилась к вечеру.

Девушка достала из корзинки тихо скулящий мягкий комочек, состоящий, казалось, из спутанных волос и перьев. Покрутила в крепких руках, и несмотря на вялые попытки сопротивления, поднесла к лицу.

Воняло просто ужасно! Среди запаха несвежего белья и прокисшего шампанского Марисабель различила ароматы чего-то похожего

на коноплю и банановую смазку французских резинок, из тех, что подешевле. Смысл при этом истошно визжал и пытался вырваться. Его вполне устраивало грязенькое свинское счастье, в котором он пребывал до того, как попал на мойку. Не обращая внимания на протест, Марисабель сунула его в чан с мыльным раствором. Визг превратился в славенное бульканье и смолк. На поверхность всплыло несколько пузырьков. Для верности Марисабель хорошенько помяла его в тазу. Убедившись, что сопротивление сломлено, девушка стала тереть смысл щеткой, особое внимание уделяя сильно загрязненным местам. Постепенно растрепанный комочек все больше походил на что-то знакомое и понятное. Через четверть часа Марисабель прополоскала смысл в холодной воде и вывесила сушиться чью-то чистую перую любовь.

О, любовь в ее мире была иной! Люди по-прежнему считали счастьем возможность просто подержаться за руки, трепетали от поцелуя в щеку, дрожали при виде кружева, на миг проглянувшего из-под длинной юбки. В общем, все довольно скучно. Зато смыслы пахли сущью, а не запахами подмены, наркотиков и быстро-

го перепахона на грязных простынях. Хотя идеальным этот мир тоже не был. Чего стоило, например, сегодняшнее настроение самой Марисабель!

С охотником она познакомилась давно. Еще в первый день, когда ей досталась эта работа. Боясь проспать, она встала до восхода солнца. Умывая босые ноги росой, спешила она, сонная, на берег ручья и прибежала намного раньше, чем заваренное с вечера мыло окончательно растворилось в горячей воде котла. Ночь ласкала землю теплым дуновением ночного ветра, шекотала легким касанием падающих звезд. Черный купол накрыл мир. Ощущение было такое, словно ты спрятался от всего света под битое молью одеяло и кто-то другой, большой и настоящий, подсматривает за тобой сквозь россыпь мелких дыр тысячью добрых глаз.

Окинув взором окрестности, Марисабель заметила, что робкие лучи солнца уже делают первые шаги в пыли бегущей на восток дороги. Красные сполохи играли на следах пророков — разбросанных у обочины белых камней, выложенных специально для того, чтобы ночные путешественники не сбились с пути и не угодили в холодные воды бегущего рядом с трактом ручья. Цветы в саду, из тех, что распускаются ночью, качали головами под стрекот цикад. Еще ярче цвели бабочки, раскрывавшие крылья под светом гаснущих звезд.

Марисабель смотрела на чудесные превращения утра, пока над ее головой не запел жаворонок. Тогда она снова посмотрела на дорогу. Там, в лучах утреннего света, шагал исполин. Теплый ночной ветер играл павлиньим пером, украшавшим его островерхую шляпу, спутывал кольца черной, блестящей как уголь бороды, лежащей на широкой груди поверх расшитого желтым шнуром кожаного колета. Глаза его горели огнем, какому позавидовал бы и сам черт, доведись ему этой ночью высунуть нос из пекла. На плече великан нес тяжелый мушкет, и вороненная сталь холодно блестела в первых лучах теплого рассвета. На поясе болталась большая охотничья сума, судя по всему, полная добычи.

С испугом смотрела Марисабель на приближающегося великана. Люди говорили, что никто никогда не ходит по восточной дороге, а те, кто ходят, не возвращаются. Сердце девушки трепетало в такт крыльям колибри, которая делает десять тысяч взмахов в минуту, только для того, чтобы зависнуть на месте у выбранного цветка. Девушка готова была сбежать, но опасность потерять едва полученную работу заставила ее остаться на месте.

Между тем великан подошел и остановился напротив девушки. Теперь он не казался таким огромным. Присмотревшись, Марисабель увидела, что росту в нем с держак метлы, ко-

торой она убирает свой двор. А когда охотник широко улыбнулся своими большими зелеными глазами, страх окончательно покинул девушку. Так улыбаться, всей душой, могут лишь настоящие добрые люди.

— Интересно, — думала она, меня в тазу воду и добавляя в нее хозяйственное мыло, — сколько еще ждать! Солнце вон уже клонится, а его все нет.

О, если бы ее охотник мог остаться с ней. Хотя ненадолго! — мысль была банальной, как вывернутый наизнанку смысл. Вдохнув, Марисабель полезла в корзинку и выудила дочерна извалявшуюся совесть какого-то депутата кортесов. В отличие от предыдущего, смысл повис в ее руках разжиревшей гусеницей, и только шевеление хватательных жвалец, расположенных пониже снулых глазок, говорило о том, что он крайне недоволен. А может, подавшись привычке, смысл по-прежнему пытался чего-нибудь отхватить.

Марисабель не интересовали мысли грязной совести. Замарашка был отправлен в раствор, оттерт и выброшен на просушку.

Каждое утро охотник приносил ей пойманные смыслы. Ему были известны сотни способов их лова. Отдав добычу Марисабель и перебросившись с девушкой несколькими фразами, он уходил, чтобы вернуться под вечер, забрать чистые, просушенные и проветренные смыслы и унести по восточной дороге. Что с ними там было дальше, Марисабель не знала. Любопытство распирало девушку, и вот сегодня утром, наконец набравшись смелости? она спросила его об этом.

— Я возвращаю смыслы, — ответил охотник. Там далеко-далеко, где каждое утро солнце касается земли, есть земля, в которой живут другие люди. Они так же, как и мы, по ночам любят друг друга, утро начинают чашкой кофе, работают и отдыхают, плачут от счастья и терзаются разочарованиями. Но в их жизни слишком много смыслов. Так много, что они могут не заметить, как потеряются один или два.

— И что же тогда? — спросила Марисабель.

Беспризорные смыслы разбредаются по свету, и тогда становится меньше чего-то знакомого миру. Того, что он знает из книг, музыки, картин, пьес. И мир изменяется. Люди становятся раздражительными. Они не понимают, что это их вина. Ведь они сами потеряли свой смысл.

А иногда брошенные смыслы сбиваются в стаи, как бродячие собаки, и производят на свет потомство. Так появляются химерные уродцы. Ведь вырастить хороший, нужный смысл так же сложно, как вывести новую породу. Кроме того, бродячие смыслы могут быть опасны. Я видел сотни людей, растерзанных ими на куски.

— И ты ходишь к ним один! — всплеснула руками Марисабель.

— Не беспокойся, — улыбнулся он, — у меня есть ружье! Охотник похлопал грубой ладонью по ореховому прикладу мушкета. — Кроме того, кто-то же должен делать эту работу. Ведь люди искреннее радуются встрече с правильным, чистым смыслом, и значит, их жизнь не потеряна.

— Но зачем тебе это!? Что тебе до смыслов других людей? Мы же живем на другой земле. Нам нет дела до них, как им нет дела до нас! Лучше бы ты оставался ночами со мной. Или думаешь, я не вижу, как ты смотришь на меня во время наших утренних встреч, когда я склоняюсь над тазом. Краска цвета спелого манго густо залила щеки Марисабель, и она еле слышно добавила: — Я была бы не против...

— Дура! — бросил он в ответ. — Неужели ты не понимаешь, если я не стану делать эту работу, мир лишится смысла и умрет. Потому что ничто не может существовать бессмысленно!

С этими словами он повесил на плечо ружье, взял опустевшую сумку и ушел, а Марисабель еще долго стояла и смотрела, как с каждым шагом вырастает его исполинская фигура, становится больше и больше, пока не стала такой

огромной, что уже не было возможности различить ее на фоне разверстой бездны вселенной.

«Дура я дура...» — всхлипывала Марисабель, вытирая рукой выступившие на глазах слезинки.

Солнце проделало большую половину дневного пути. Тени удлинились. Вода в ручье потемнела и стала холодной. Марисабель бросила взгляд на ухотившую вдаль дорогу. На дороге было пусто. Только ветер закручивал небольшие пылевые смерчи, которые то поднимались, то опадали призраками утраченных надежд.

«А если она обидела его?! Что если он не придет? Найдет другую прачку для своего улова. Если не будет больше их утренних разговоров. Не будет пойманных грязных смыслов, требующих внимания ее крепких натруженных рук... Сможет ли она жить дальше, утратив свой собственный смысл?!» Она не знала и, до боли закусив губу, ждала, стоя на обочине дороги у ручья с холодной водой забвения, вечером в пятницу.

И, конечно же, дождалась. Он пришел и даже смог остаться. Ведь в мире все и вся, даже Бог, Судьба или Ошибка, хоть иногда бывают выходными. И в этом тоже есть свой смысл.

02/12/2015

Денис Караченцев

Гість альманаху

Выпускник Национальной Юридической академии имени Ярослава Мудрого. Работал несколько лет в Управлении пенсионного фонда. Параллельно занимался творчеством: писал стихи, рассказы. Печатался в разных изданиях: в газете «Время», «Харьковские известия».

Проявил себя в жанре авторской песни. Его песню «Одинокая птица» поет заслуженная артистка Украины Виктория Венникова.

В 2015 году основал благотворительный фонд «Благочиння» и создал в Харькове проект «Встреча со звездами шоу-бизнеса». В разное время в нем принимали участие Богдан Бенюк, Ольга Сумская и Виталий Борисюк, Остап Ступка, Виктор Андриенко, Георгий Делиев... Вырученные средства были направлены в медучреждения с недостаточным бюджетным финансированием.

Колос

Цілому світу я влячний за землю,
Яка годувала з дитинства мене.
Кожен в житті обрав свою долю,
І те, що судилося, не омине.

Колос — це символ вічного миру.
Колос єднає наші серця.
У нашу країну з любов'ю я вірю
З самого початку і до кінця.

Шлях я обрав собі колосовий,
І Богу я влячний за долю таку.
Небо блакитне, місяць медовий
Спостерігаю у своєму садку.

Я так тебе люблю шалено,
Я так тебе люблю відверто,
Очам своїм не вірю,
Я нікого не чую,
До всіх тебе ревную,
Бо сильно так люблю я.

Один раз і назавжди —
Усе життя з тобою.
І чути тільки правду

І з влячністю за долю,
Що нас з тобою з'єднала
І по життю тримала.

Пройти кризу чорну задрість
З тобою нам доведеться,
Але сильніше мудрість,
Яка любов'ю зветься.

На прощание

Мы с тобой разучились летать,
Перестали друг другу верить
И чудес перестали ждать —
Ждет разлука и боль за дверью.

Счастливые дни истекают как время,
Белые птицы машут крылом,
И если любовь превращается в бремя,
Серые будни летят за окном.

Снова правит судьбы закон,
В этом кроется горькая прелесть,
Не вернешься ты снова в мой дом,
Трудно раз обманувшему верить.

Диана Крамаренко

Студентка 3 курса 4 медицинского факультета

Первые публикации - это всегда и радость, и тревога. На суд читателя выносятся не просто рифмованные строки, а самые потаенные чувства, мысли, эмоции, в которых нет места неискренности и лжи. Я очень рада, что мне предоставлена возможность поделиться своим творчеством.

Муза

Людино, ти маєш бути близькою до мене.
Я вмю лише так.
Не торкнися моїх рук та відчуй душевний поштовх,
Спіймай прихований знак.
Зачинено для зайвих.
Де твій морок?
Де попіл, що живе у вогні,
В полум'ї життєвого шляху та болю?
Я бачу твої очі палкі.
Цей погляд не здатний брехати.
Я уявляю, скільки хочеш і можеш сказати.
Зірки на небі спостерігають за нами,
Чекають на появу розуму й добра.
Я не знаю, що було й що буде далі.
Кожна мить оточена мільйонами долі.
Ось дивина:
Люди так палко прагнуть до безодні.
Тямиш моє мовчання?
Я хочу віддати тобі накопичене.
Маю багато в запасі приємних і добрих речей.
Людині потрібна людина.
Два серця сильніші глибокого смутку
І темних присмерків ночей.
Людину рятує людина.
Самотність — то вісник нещастя.
Кожна істота тане в рідних обіймах.
І не треба червоних ниток на зап'ясті:
Закоханим байдуже на вигадки Всесвіту.
Їх кохання — ілюзія, найпрекрасніша з-поміж усіх.

Подібна до квітки пишного цвіту.
Це в дійсності може підтримати світ.
Людину лікує людина.
Ми не вороги — діти дурні,
Що мають красу за потворне і навпаки.

Тармонія

Мені потрібна тиша.
Для мене задоволення потреб —
То купа книг над головою, тепле ліжко,
Приємна музика й солодкий мед.
Мені потрібні нариси бажань,
Щоб втримати їх в серці.
Вони, як вірний орієнтир,
Покажуть в світ правильні дверці.
Їх нескінченність вища за обмеженість земних мірил.
Я б високо злетіла над землею.
Не видима людському оку. Мрія з мрій!
Щоб не було в житті ніяких планів, строків.
У серці не народиться буденщини потворної застій.
Мені б любов всьому живому дарувати,
Натхнення й радість зберегти в очах.
І пісню з птахом на весь світ співати,
Глибоке щастя відчувати навіть в снах.

Випускниця Харківського національного медичного університету, кандидат медичних наук, доцент. Режисер Харківського національного академічного театру опери та балету ім. М.В. Лисенка /Схід OPERA

Випускниця Харківського національного університету мистецтв ім. І.П. Котляревського за спеціальностями: режисер театру анімації, режисер драматичного театру та музикознавець.

Викладач кафедри сольного співу та оперної підготовки Харківського національного університету мистецтв ім. І.П. Котляревського

Магістр Міланського університету Бокконі. Стажувалася в театрі La Scala (Мілан).

Авторка спільного україно-італійського проекту «Binge Drinking», а також куратор численних міжнародних проектів.

У 2018 році на сцені Схід OPERA виступила як режисер-постановник опери «Сват мимоволі» В. Губаренка за п'єсою Г.Ф. Квітки-Основ'яненка «Шельменко-денщик».

Як Марко на вовка ходив

Занадився якось вовк до села кур тягати. Та якби тільки кур! У Петра й гуся схопив, у ковалихи поросся ледве не вніс, та свині разом із собакою його прогнали. А в Івана кульгавого кобилу за ногу вкусив! Ну, від неї він також отримав, бідолашний, та в селі сміялися, що був Іван кульгавий, а тепер і кобила в нього кульгава. Та більш за все дісталася Марку. У нього й кур, й гусів, й індиків повитаскав, та й до вівчарні якось підібрався! Та такий хитрий удався той вовк! Марко його вже й виглядав, і стеріг, але жінка лається, кур меншає, а нічого зробити не можуть!

От зібралася все село. Радилися, гадали, як вовка того спіймати. Хто каже на дорозі варту поставити, хто на городах, хто понад лісом вартових. Жінки кажуть, хай кожний цілу ніч сидить в себе на городі та стереже. Слухав оце, слухав усіх голова, сів та замислився. А розумний же ж був той голова! От встає він і каже:

— Панове! Слухав я всіх, кожен добру думку має. Та як варту розставити хоч по всьому лісі, ми його не зохпимо. Він звір хитрий, нюхом все чує. А як спати не будемо ночами всім селом, а він не прийде? Він, злидень, за нас вдень робити буде? Ні... Він звір кмітливий, спритний, ми його тільки хитростю взяти зможемо.

Сіли всі, затихли. Думають. Ось тут голова (ой розумний же ж!) і каже:

— Я, панове, он що гадаю: при дорозі, що веде до села, стоїть велике дерево. Од лісу дорога теж повз нього йде. Вовк хоч, може, і не по дорозі побіжить, але звідти його буде добре видно, навіть як він городами оббігатиме. Треба варту на дереві встановити, тоді ми його одразу спіймаємо!

— Добре, добре! Голова справу каже! — загомоніли.

— А хто ж піде?

— Вбагатьох на те дерево не полізеш.

— Рушницю треба брати! — каже Марко.

— О! — кажуть, — до тебе сьогодні вовк у гості заходив?

— Та заходив...

— У тебе більш за всіх кур потаскав?

— Ой, куме, не кажіть? Більш за всіх мені від нього дісталася!

— От ти й підеш першим!

— Я, куме? Та чого ж це я?

— А тому, що твоя хата перша, ти весь час від нього потерпаєш!

— Та в мене й рушниці нема! У вас, куме, є — ви і йдіть!

— Та я тобі рушницю позичу, не хвилюйся. Чуєте, пане, голова! Марко піде!

— Та мовчїть вже, куме!

— Марко піде? — обіззався голова, — ну то добре, йому, бідолашному, й сам Бог велів, скоро всю худобу в нього цей бешкетник перетаскає. Гаразд! Марко піде.

Що ж тут поробиш, коли вже всі почули й голова призначив? Пішов Марко додому, став вечору чекати.

Понадвечір кум прийшов (хай йому грець, як підвів!), рушницю приніс та пішов його проважати, доки не стемніло. Заліз Марко на дерево, влаштувався найзручніше. Кум йому позичив гарної вдачі та пішов. Марко звів ноги, сидить. І так собі думає: «А що як вовк ноги мої побачить або запах мій почує? Треба якось лягти вздовж гілки, щоб в нього і гадки не було про те, що тут хтось сховався. Так поміркувавши, заліз він на гілку з ногами та ліг. Добре, гілка була широка. Лежить. От почулося йому ніби трава зашелестіла, та й ніби тїнь промайнула в високій траві та зникла. Завмер Марко, лежить, прислухається. От ніби знову тїнь виринає, ближче, ближче... та вже зовсім близько... і раптом... Гуп! Марко розплющив очі. Озираючись по сторонах. Лежить він під деревом, а на лобі збоку отакена гуля! «Ой, Господи! — дума. — А рушниця ж де?» Став повзати вкруг дерева. Немає. Потрусив стовбур, тут щось як гупне — рушниця вже на землі, а на лобі з іншого боку друга гуля. Взяв він рушницю та й зашкандибав додому. Зайшов тихенько до хати, ліг. Жінка підхопилася:

— Ну що, спіймав вовка?

— Та де там, сумно відповідає Марко.

— А що ж?

— Та он тільки дві гулі приніс.

— От же ж невдаха, — заголосила жінка, — не те що вовка спіймати, на дереві втриматися не можеш!

— Спи, — каже Марко, — бо тебе й до ранку не спиниш.

Заснули.

Вранці кум приходив за рушницею. Подивився на Марка та одразу все зрозумів.

— Що ж це ви, — каже, — куме? Заснули? Та хіба ж можна при такій справі заснути?

Взяв рушницю та вийшов.

А на вулиці вже народ зібрався. Питають у кума:

— Ну що? Чи спіймав Марко вовка?

— Та де там спіймав, — каже кум, — заснув та з дерева впав!

— Та невже!

— А ви подивіться, як він вийде, у нього на лобі аж дві гулі!

А тут ще й жінка додала. Пішла в курник і кричить:

— Ще одну курку вкрав, розбійник!

Який тут регіт почався! Почувши це, вийшов Марко на двір. Чує, Іван каже кумові:

— То тепер твоя черга стерегти.

Тут підходить до них Марко і каже:

— Моя черга! Буду стерегти його, доки не спіймаю!

Забрав рушницю та пішов до хати.

Понадвечір до Марка знову завітав кум.

— Збирається?

— Та збираюся, — відповив Марко, складаючи мотузку, — цього разу я його вже не проспю.

Але з мотузкою буде надійніше. Що як не втримаюся та на голову йому впаду — от він зрадіє!

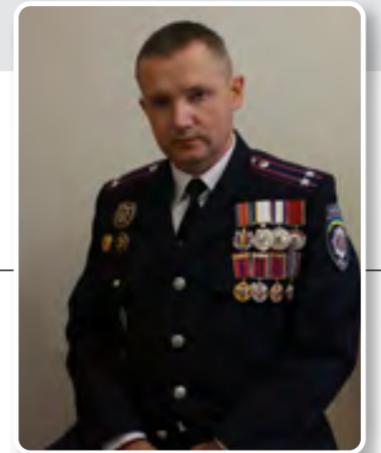
— Та злякається тебе вовк, невдахо, чорт дво-рогий, їсти не стане!

— Мовчи, Явдохо, прикрикнув на неї Марко! — та додав тихіше, — не сором перед кумом!

— Та де в тебе сором?!

— Ну ж бо, кумо, годі вже, не чіпайте чоловіка, адже не на ярмарок збирається. Хай спокійно йде. То ви вірно зробили куме, що мотузку взяли. Ходімте, я вас проводжу.

Прийшли. Заліз Марко на дерево, повісив рушницю на гілку, сам себе мотузкою прив'язав. Кум пішов. Марко сидить. «Та ні, — думає, — дуже добре мене видно, полізу вище!» Від'язався, заліз. Ні, ноги висять, він одразу побачить. Ліг. Прив'язався, лежить позіхає, зіроньки роздвигаяється крізь листя. «Ні, — гадає, — так знову засну. Повернувся на бік, став виглядати. Позіхнув ще раз та чує, ніби щось шелестить. Прислухався — тихо. Знову прошелестило. А очі так і заплющуються. «Ні, — гадає, — то вже взагалі сором буде, як другого разу засну». Потер очі. Чекає. Як довго він так чекав і сам би не сказав, але великий ківш вже за дерево зайшов. Ну, як тїнь закубїлася в траві, наближується! Марко почав потихеньку мотузку од'язувати та за рушницею потягнувся. Тїнь наближується, вже й бачити, як очі блищать хижаків. «Ні, — думає, — ближче підпушу». Став потихеньку цілитися. Бачить, вовк вже майже до дерева добіг. Тут Марко рушницю наставив та — бабах! Дивиться чи вцілив, чи ні. Ні, не вцілив. А вовк замість того, щоб до лісу бігти, як майне і прямо до села. Тут Марко з дерева спускається і за вовком. Біжить та стріляє. Ні, знову не влучив. «Стій, — кричить, — стій, негіднику!» Вовк ще скоріше. Прицілився Марко та третій раз пальнув! Та знову мимо! Біжить за вовком. Хотів пальнути ще раз — заряду вже нема! Біжать. Марко став, зачихався. А вовк чує, що не женуться і теж став. Марко думає: «А як на мене зараз піде?» І давай назад бігти. Та чомусь не до села городами, а знов до лісу. Вовк побачив таке — й за ним. Біжать. Марко вже й стомився, а вовк, негідний, все ближче, ближче, майже наздоганяє. «Та що ж люди? — думає Марко. — Кум неодмінно постріли почув, обов'язково прибіг би подивитися. Де ж люди? Гей, люди! Люди, рятуйте! Рятуйте! Тримай його! Тримай!»

Начальник отдела кадров университета

Как называет себя сам, «дитя военных гарнизонов почившей в бозе истории страны Советов». Семейную династию кадровых военных продолжил в Министерстве внутренних дел Украины. Автор автобиографического сборника рассказов «Антисоветчик». Член литературного клуба «Полимент» при совете ветеранов Главного управления Национальной полиции в Харьковской области.

Дважды вечером.....

Во всем поступайте с людьми так, как хотите, чтобы они поступали с вами. Библия, Евангелие от Матфея, 7:12

Эта история основана на реальных событиях.

Пашка гордился своим псом Урфином. Ещё бы, ведь он мог гулять со своим бультерьером по району всю ночь, даже засыпал пару раз пьяным на лавочке в парке, зная, что верный пес будет строго охранять его сон от желающих проверить содержимое Пашкиных карманов. А содержимое карманов у Пашки было интересным: и «трава», для желающих «пыхнуть дури», и «бабки», с той «травы» заработанные. И вкальвать «на дялю» нигде не надо, постоянный доход, от желающих отбоя нет. Вон сколько шпаны малолетней вечером по району трется. Сам Пашка траву не курил, лучше выпить, считал, чем к этой «дури» привыкать.

Бегущий трусцой метрах в пяти от хозяина бультерьер вызывал, как правило, приступы ужаса и панического бегства у молоденьких мамаш, гуляющих в парке со своими малышками чадами, что всегда веселило Пашку. Не спешил он прогуливался по аллее, не вынимая рук из карманов спортивных штанов и криво ухмыляясь, степенно отвечал заикающимся от страха мамашам: «Не бойтесь, он у меня добрый, не укусит, если вы смиренно стоять будете! Детей не трогает, только кошек да пуделей-болонок на куски рвет!» Женщинам ничего не оставалось, как, глотая слезы от накатившего ужаса,

стоять не шелохнувшись, судорожно прижимая к груди своих крох.

На претензии местного участкового, разбившего бесчисленные жалобы жильцов микрорайона, Пашка вяло отмахивался:

– Да ладно тебе, Петрович, мой Урфин никого ещё не покусал, он поумнее этих дур будет. Вот укусит кого-нибудь, тогда отвечать буду.

Вот и на этот раз приперся участковый домой к Пашке с претензиями:

– Пашка, я на тебя уже три протокола составил. По закону, если два раза в течение года оштрафован, имеют право пса твоего по решению комиссии исполкома отобрать. Держи собаку на поводке и в наморднике, пока еще только предупреждаю тебя, ты же людям жить мешаешь. Увижу — застрелю собаку, а в рапорте напишу, что сама на меня кинулась!

Николаю Петровичу Охримцеву оставалось служить всего два месяца до пенсии, и к выполнению своих служебных обязанностей он в последнее время стал относиться с куда меньшим рвением. С собакой этой та ещё «заковырка» вышла, был он в исполкоме, не знают они, что с собакой делать, так и сказали: «Юридическая коллизия, уважаемый Николай Петрович, собаку изъять можем, а что дальше с ней делать — в законе не прописано, так что лучше проводите надлежащую профилактическую работу с населением».

– Да ладно тебе угрожать, Петрович! Прямотаки застрелишь? Чем стрелять будешь — пальцем? Вам же волины только на дежурство выдают! Ну, ты ж меня давно уже знаешь, Петрович, — сошел на примирительный тон Пашка — я ж вашим ребятам с ОБНОНа* помогаю.

– Ну, чого це ти стоїш дивишся? — питає Марко.

Вовк прислухався.

– Йди вже собі звідси, йди!

Вовк ніби зацікавився, подивися пильно на Марка. Сів.

– Ах ти ж негіднику! — каже Марко. — Ох ти, Господи, ну як же ж я так без рушниць! От би мені її зараз, ти б від мене не втік!

Вовк слуха. І так, здалося Марку, ніби якимось навіть посміхається, от мов би хотів мене схопити, а сам в пастку трапив. Ну нічого, я тут посиджу, почекаю, як ти мені сам в рота впадеш. Облизнувся.

Сидять.

– Вовчику, братику, — молить Марко, — бач, світає вже, ну як люди скоро прийдуть, а я от так сиджу, а ти мене в полоні тримаєш, мало що вже два дні все село сміється, а так мені на все життя сором! Шов би ти, га?

Вовк повів вухом.

– А якби ти жінку мою знав, ти б мене пожалів, бідолашного, тебе, мабуть, вовчиця так не лає як мене моя Явдоха. Йди, вовче, ну ж бо, йди!

Вовк подивився на Марка, як тому здалося зі співчуттям, та чи, може, свою вовчицю згадав, бозна-яка дісталася. Може, це вона його, неборака, ганяє кожної ночі до села, каже йди, злидню, діткам поїсти принеси!

А тим часом сонечко зійшло, на дорозі на краю села показалися люди. Марко розгледів кума, поруч з ним шкутельгав Іван та ще йшло кілька чоловіків. Звісно, кум привів на сором Марків подивитися. Як стали вони наблизитися, побачили й вовка, спинилися, та рушниць немає, поробити нічого не можуть. Побачили вже й Марка на дереві, стало й сміх чути. Вовк на них чекати не став, підвівся, глянув ще раз на Марка чи то зі співчуттям, чи то з досадою, що така гарна здобича не дістанеться. Марку здалося, що просто посміхнувся, та й побіг собі до лісу.

Ну, тут люди підійшли, регочуть, кажуть:

– Злізай вже, Марко!

– Цього разу таки затримав ти вовка, тільки це він тебе ледве не спіймав!

– Ото б вовкові здобича була! Згадував би тебе все життя!

Зліз Марко з дерева та пішов з усіма додому, краще, думає, із людьми повернутися, бо там Явдоха скоріше од того вовка з'їсть.

Скільки ж село про Марка гомоніло! А потім й дітям та онукам переказували.

Та треба правду сказати, після цього вовк перестав до них бігати. Може, зрозумів, що тут йому пастки лаштують, та до іншого села подався, а може, і Марка пожалів, хтозна. Бо хитрий же ж вдаввся той вовк!

2016 р.

Та почув нарешті людські голоси?

– Гей, Марко!

– Рятуйте!

– Гей, куме!

– Просинайтеся вже!

– Та просніться ж, куме! У поле час іти!

Схаменувся Марко. Розплющив очі. Поворухився, а він прив'язаний на гілляці лежить. Подивився з гори, а там внизу кум з Іваном стоять регочуть.

– Що, куме! Уві сні таки спіймали вовка?

Одв'язався Марко, взяв рушницю та зліз з дерева. Повернувся до села. А там Явдоха його вже зустрічає. Цього разу вовк у них гуску вкрав. Ох і сміху було на цілий день! Жінки як його вглядять, одвертаюся, аж заходяться, діти пальцями вказують! Жінка сварить без зупинки!

– Отже ж, Бог послав! В усіх чоловіки як чоловіки — а в мене?!

– Мовчи, Явдохо! — гримнув Марко. А сам чорніший за хмару. Цієї ночі точно спіймаю!

– Ой-ой, вовка! Ну, дивися: як цієї ночі не спіймаєш — додому не вертайся!

Настав вечір. Знову завітав кум.

– Що це ви, куме, все ходите й ходите? — пита Марко. — Ніби так і чекаєте, щоб я забув щось або зовсім не пішов.

– Та що ви таке кажете, куме! Та я ж тільки, щоб допомогти вам, супроводити, підтримати якимось!

– Я цього вовка доки не спіймаю — не заспокоюся! Ходіте!

Пішли. Знов заліз Марко на дерево, цього разу слабенько себе прив'язав, тільки щоб як побачить вовка, не впасти зрадівши.

Кум пішов. Марко сидить. Позіхає. Так йому прилягти хочеться, але він тримається. Довго сидів так. А рушниця на гіллі висіла. Ну як, думає, скоро вже прийде, а я не готовий. Взяв рушницю в руки, тримає міцно. А голова так і хилиться додолу, так і хилиться. Ні, Марко голову гордо скидає та знов виглядає. Та тихесенько собі каже: «Йди-но сюди, йди, бешкетнику! От я тебе зараз!»

Знову очі заплющилися сами собою, але, здається, тільки на мить. Різко відкриває Марко очі — ні, сидить, все гаразд, на гілляці, рушницю міцно стискає. Зиркнув до лісу — нікого, у траві — тиша. Та раптом відчуває що він не один. Глянув вниз — а там!.. Прямо під самісінькою його гілкою два жовтих ока блищать. Роздивився — вовк! Що його робити?! Так і зойкнув, аж підскочив! Тут рушниця в нього і впала. Вовк одскочив з переляку. Потім ближче підійшов, понюхав. А тоді догори дивився. Марко аж ноги підібрав. Дивиться на вовка. Той на нього. Вовк обійшов дерево, обнюхав, повернувся назад.

Можно сказать, сам в милицию служу! — съёрничал Пашка.

— Знаю я твою службу, Пашка — «агент ноль-ноль-семь», вечный понятий! На наркоту пацанов малолетних присаживаешь, а потом с этими прохиндеями «бноновскими» с их родителей бабки сбиваете. Посадят и их, и тебя за одно с ними, за «сотрудничество».

— А ты, Петрович, мне не угрожай, гляди, чтобы тебя самого не закрыли. Вот накатаю на тебя заявы в прокуратуру, в ВэБэ** ваше, что ты с меня деньги вымогал за Урфина. И там свои люди у моих друзей имеются. Побегаеть на «очняки» да на допросы, а оно тебе надо?

— Гражданин Криворот, я Вас предупредил официально — застрелю собаку в парке, если попадетесь мне на глаза, — изменив тон на официальный отрезал Николай Петрович. Развернувшись, он, ссутулив уставшую спину с прилипшей от выступившего пота форменной рубашкой и прихрамывая на больную артритом ногу, выворачивая её на бок, стал медленно спускаться по ступенькам. Пашка еще некоторое время с силой удерживал себя от искушения грохнуть со всей дури бейсбольной битой, стоявшей в углу коридора, этой падле — мусору по затылку. «Принципиальный, блин, попался, погоди, операм скажу, сам рад не будешь. Законник хренов. Хорошо, хоть в квартиру его не пустил. Товар новый привезли, на кухне по коробкам спичечным как раз фасовал, когда этот чёрт приперся. Пашку не проведешь, он законы знает — без разрешения владельца жилья или санкции суда в мою квартиру просто так не сунешься! Конституционное право на неприкосновенность жилища — уголовная ответственность!»

Ровно двадцать пять лет без двух месяцев отслужил в милиции Николай Петрович Охримцев. Последние десять лет майором, и всё на одном участке. И на повышение звали не раз, и в управление даже работать, не захотел он. Главное, это работа с людьми, считал, ведь живешь тут же на районе, не то, что каждая собака, каждая букашка тебя знает, поступай по совети, и люди уважать тебя будут.

Люди были благодарны Николаю Петровичу — хоть и по мелочам, а картошечка там, сальцо свежее, яички домашние в холодильнике не переводились, в общем, не умирал он с голоду, да и семья тоже.

* ОБНОН — отдел по борьбе с незаконным оборотом наркотиков, БНОНовцы- сотрудники этого отдела (прим. автора)

** ВэБэ — производная от УВБ, управление внутренней безопасности (прим. автора)

— Мам, а помнишь, как клоун шарик лопнул? Правда, очень смешно было? Мам, а тебе больше клоуны или собачки понравились? Мама, а можно, когда я вырасту, я тоже клоуном буду? — тараторил без умолку малыш лет четырех — пяти. Пассажиров в вечернем троллейбусе было совсем мало и сидевшего рядом с молоденькой мамой малыша, сжимавшего в кулачке верёвочку с привязанным к ней воздушным шариком, было слышно на весь салон. Ещё через десять минут он замолчал и, уткнувшись пухлой щечкой в мамино плечо, ровно засопел носом.

— Следующая остановка — станция метро «Пролетарская», конечная! — раздался металлический голос из динамика в крыше троллейбуса.

— Цыплёнок, цыплёночек, просыпайся, нам сейчас выходить...

Двери с лязгом захлопнулись, и троллейбус, набирая скорость, поехал в депо. Молодая мама медленно удалялась в слабо освещенные дворы спального микрорайона. Её шею крепко обхватывал спящий «цыплёнок», положивший голову на плечо Ольги. Над родными людьми парил в воздухе, дергаясь на веревочке при ходьбе из стороны в сторону, желтый воздушный шарик.

Павлу уже нехолодно было лежать на остывшей сентябрьской земле. Любимый бультерьер по кличке Урфин перегрыз на прогулке горло хозяину одним клещом своих мощных челюстей. Пнул его Пашка ногой со злости за то, что Урфин не отреагировал на его команду: «Рядом!». Пьяный Пашка давно уже не нравился Урфину, дрался тот часто, доставалось псу от хозяина. Как-то рефлекторно всё вышло, не стерпел Урфин обиды от того пинка. Лежал Пашка на аллее парка на боку, поджав под себя ноги, хрипел, и, схватившись руками за горло, медленно дергался в конвульсиях на натекавшей под ним на асфальте луже почти черной крови, сначала пульсирующей фонтанчиком из горла, а затем просто медленно обтекающей его.

Оперативный дежурный Тракторостроительного районного отдела внутренних дел капитан милиции Антон Плетнев заступил на суточное дежурство в девять утра, как он обычно заступал на дежурства уже последние два года.

Утренний инструктаж наряда занял всего час.

— Оперативному дежурному во время суточного дежурства КАТЕГОРИЧЕСКИ!!! запрещено покидать помещение административного

здания! — при чём при слове «КАТЕГОРИЧЕСКИ!!!» голос произносящего речь товарища майора набирал обороты, а шея багровела — КАТЕГОРИЧЕСКИ!!! запрещено оставлять дежурную часть на одного сотрудника дежурного наряда!!! — чуть ли не кричал в лицо Антону ответственный из числа руководства майор Грызук, инструктирующий наряд. — На вас на ночь остается весь район, за вашей спиной комната хранения оружия с двумя сотнями стволов, автоматы, бандиты в камерах!!! Уголовные и секретные оперативные дела в кабинетах личного состава!!! За нарушение этого приказа ответственность вплоть до увольнения!!! А при тяжких последствиях вам будет проще вообще застрелиться!

— У тебя есть вопросы, Плетнёв? — спросил Грызук у Антона.

— Вопросы есть, товарищ майор, ответов нет, — со вздохом ответил Антон. А сколько бензина на смену сегодня дают? — с надеждой в голосе вопросом на вопрос ответил Антон.

— Вопрос не по тому адресу, Плетнев! — ответил Грызук Антону, — ты не в детском саду. Кончится бензин на УАЗе, своими машинами вызова докатаете, не впервой.

— Товарищ майор, так не у всех машины есть и лишний бензин. А те десять литров на УАЗ к вечеру уже выкатаем, а нам до утра еще продержаться. Свозить с вызовов вонючих бомжей в своей машине, в которой семью возишь, совсем не хочется, — подлил масло в огонь разгорающегося костра препирания с начальством заступающий на дежурство опер угрозыска Тимур Коренцев.

— Вы же знаете, товарищи, что с бензином напряжёнка, — уже почти оправдывался Грызук. Но вам поставлена задача — обеспечить надлежащее реагирование на все происшествия и преступления в районе, и выполнить вы ее должны без замечаний к службе! Меня не интересует как — хотите деньгами на бензин скидывайтесь, хотите такси вызывайте, хотите, ищите спонсоров — не мне вас учить, не дети! — подвел итоги инструктажа Грызук.

— Есть ли среди вас лица, которые по состоянию здоровья либо другим причинам не могут сегодня нести службу? — казенной фразой обратился Грызук к подчиненным. После часового ора инструктаж уже подходил к концу, видно, товарищ майор уже выдыхался.

— Может, команду уже дадите оружие получать, товарищ майор? С ночи вызова не обслуженные еще остались: две скоростижки, квартирная кража, доставление с ножевым с адреса. Там еще в квартире осмотр делать. Нам ехать надо, Сергей Иванович, — почти

умоляюще обратилась к Грызуку Таня Шевчук, дежурный следователь.

Так и началось еще одно суточное дежурство Антона...

Только после десяти вечера, когда уже закончилось вечернее совещание у начальника РОВД и руководителя, вернувшиеся с него, отпустили личный состав по домам на отдых, в дежурной части наступило затишье.

— Антон, послушай, тишина-то какая, — обратился к оперативному дежурному его помощник, прапорщик Сергей Филипчук, — прямо не верится.

В дежурной части последние десять минут не раздалось ни одного телефонного звонка, молчал и эфир радиостанции.

— Сплюнь, еще накаркаешь, — ответил Антон, заполняя журнал учета заявлений о преступлениях и происшествиях, — ты лучше связь по рации проверь, не может быть, чтобы эфир молчал так долго.

Подойдя к стационарной радиостанции прапорщик стал вызывать патрульную машину.

— Рига-17, я — Рига, как слышишь меня, прием, отвечай! Рига-17, я Рига, как меня слышишь! Эфир молчал.

— Антон, по моему, рация накрылась, я по мобильному свяжусь быстрее.

— Положди, дай я сам проверю, — ответил Антон.

Подойдя к радиостанции капитан взял микрофон в руку — надо другие наряды проверить, — ответил он прапорщику, — и с дежуркой города связь.

— Буклет, я — Рига, как слышишь меня, прием! — сделал запрос в эфир Антон.

Сквозь треск радиопомех в эфире прозвучал ответ: «Рига, Буклет на связи, что у вас?»

— Проверка связи, Буклет! — ответил Антон.

— Рига, слышу вас хорошо, — донеслось из радиостанции.

— Вот видишь, а ты говоришь, что связь не работает, — ответил дежурный своему помощнику, — звони «пэпсам» на мобильный, узнай, где они.

Связавшись с водителем патрульного автомобиля, помощник выяснил, что радиостанция в авто неисправна, а переносная рация не может принять сигнал из-за удаленности от райотдела.

— Теперь с ними только по мобильному связь держать будем, Антон. Они на Восточном, рация не берет.

— За каким они поехали на Восточный? — спросил он у своего помощника.

— Сказали за «показателями», — ответил помощник.

— Знаю я эти показатели, — распекал сам себя Антон, — там ночной клуб открыли, хозяин им за охрану приплачивает, дождутся у меня утром!

— Антон, а я увольняться собрался, — невпопад ответил Антону помощник.

— С чего это вдруг? — удивился капитан.

— Да домой уже стыдно в форме приходиться, сядешь с семьей вечером новости смотреть — одних оборотней в форме показывают, из каждого утюга уже! Сын в школе стесняется говорить, что папка в милиции служит, говорит, презирать начнут. А тут еще и теща жену на развод подстрекает: «Зачем, мол, тебе этот неудачник, толку с него нет, ни денег в дом, ни гвоздь прибить, вечно в своей милиции торчит!».

— А ты, Серега, зачем в милицию пошел? — спросил Антон у помощника.

— Ну, как? — удивился помощник — людям помогать, с преступностью бороться, книжки в детстве про милицию читал, «Улицы разбитых фонарей», опять же нравилось. И Жеглов с Шараповым.

— В общем, романтик ты, Серега? — задал вопрос капитан.

— Выходит, романтик, — вздохнул помощник, — да романтика за девять лет вышла вся.

— Я, Серега, отговаривать тебя не буду, мы, считай, с тобой ровесники почти, но так скажу. Пришел с преступностью бороться — борись. Борись на своем рабочем месте, выполняя свою работу. Не нравится в дежурке — иди помощником опера в розыск или участкового. Каждый баран за свою ногу висит, если совесть чиста и галостей людям не делал, не стыдись формы, и сыну объясни, какая ответственная у тебя служба, чтобы гордился батей.

— Да и я так же думаю, Антон, теща вон только сычем смотрит — скандалы провоцирует, зарплата, говорит, маленькая, — ответил помощник.

— Так ты ведь не на рынке торгуешь и не на теще женился, — не успел закончить Антон, как раздался телефонный звонок прямой связи с дежурным по городу. Антон снял трубку.

— Тракторостроительный, оперативный дежурный Плетнев, — представился Антон собеседнику.

— Тракторостроительный? — переспросил женский голос — Шестьдесят вторая — представилась оператор «02» — вызов примите. В сквере по Плиточной собака бойцовской породы нападает на людей, вроде уже и труп есть. Заявитель женщина, фамилию не разобрала, она там с ребенком от собаки отбивается, пройти не может.

— Плетнев принял, работаем, — ответил Антон оператору.

— Серега, подымай всех на уши! Бегом в эфир передавай! СОГ туда, звони этим барыгам с Восточного, пусть срочно едут!

Впервые за последние несколько месяцев внутреннее напряжение отпустило Ольгу и она чувствовала на душе гармонию. «Цыпленок» сладко дремал на Ольгином плече, крепко обнимая маму за шею своими ручонками. Хотелось сладкого чая, надеть теплые носки и нырнуть перед сном под одеяло с томиком стихов любимого поэта Серебряного века Игоря Северянина...

До дома оставалось пройти через квартал пятиэтажек, а если срезать через сквер, то идти было меньше пяти минут. «Через парк пойдем, так ближе», — подумала Ольга.

Ольга осторожно шла через абсолютно темный сквер, боясь споткнуться и уронить спящего на руках сына. Ну когда же это уже закончится, думала Ольга, страшно-то как, божечки мой... Пройдя еще метров тридцать, она увидела впереди лежащего на земле человека, возле которого неподвижно сидела собака и, сверкая в темноте глазами, злобно рычала. Кроме темного сквера, который разбудил в Ольге детские страхи темноты, еще больше ее впечатлил вид этой ужасной собаки и тело человека, лежащего на земле рядом. Ольга остановилась, не решаясь идти навстречу этой злобной твари. Собака рычала все агрессивнее и приняла боевую стойку. Ольга стояла на месте, боясь от страха пошевелиться и разбудить сына.

Урфин понял, что погорячился он со своим хозяином. Вот встанет Пашка, отлупит Урфина, да еще кормить перестанет. Поэтому пес решил зорко стеречь покой лежащего на земле хозяина, пока тот не проснется. Навстречу Урфину медленно приближалась женщина, несущая на руках ребенка. Урфин знал, что баб этих, гуляющих с отпрысками, Пашка терпеть не может и поэтому, приняв боевую стойку, угрожающе зарычал.

Николай Петрович Охримцев закончил службу уже глубоким вечером. Задержался до окончания приема граждан, затем обошел территорию обслуживания, проверил по ме-

сту жительства подучетный элемент ранее судимых, находящихся под надзором милиции, побеседовал с родственниками уголовников. Профилактическая работа, одним словом, чтобы элемент помнил, что не спит милиция и про каждый их шаг все знает. Нога продолжала болеть, поэтому при ходьбе слегка прихрамывал. Вроде и мазал больную артритом ногу модным нынче лошадиным кремом от болезни суставов, но боль не проходила...

До троллейбусной остановки оставалось пройти через квартал пятиэтажек, можно было срезать через сквер, тогда идти меньше. Николай Петрович подумал, глядя на свою больную ногу, и решил сократить путь.

Идя по парку, Николай Петрович размышлял про себя о профилактике уличных преступлений: «Сколько ведь писем в районную администрацию и облэнерго направлял через райотдел, чтобы сквер электрифицировали, ведь половина уличных грабежей на участке в этом проклятом парке происходит в темное время суток. Идут граждане домой ночью, а наркеты малолетние сумки у них тут срывают. Раньше, в моду меховых шапок, беда прямо с этой норкой была. Патруль даже на ночь выставляли. А за последний год даже подрез был. Потерпевший смелым оказался, и не только не отдал свой портфель, а еще и пытался задержать преступника. А тот, юнец прышавый, ходку уже по малолетке имел за грабеж и вышел по УДО (условно досрочно), вытащил нож перочинный и давай мужику тому кровь пускать. Семь ножевых. Благо, что зима была и одежда толстая да лезвие у ножичка небольшое было, не задел внутренние органы, потерпевший больше кровью да страхом отделался. Нашли потом гопника того благодаря личной картотеке Николая Петровича. Сам вел, и альбомы с фотографиями, и тетради со всеми анкетными данными и связями подучетных лиц. А разбойника того малолетнего изобличили еще в пяти подобных преступлениях, совершенных в районе. Начальник райотдела потом даже на подведении итогов за квартал Николаю Петровичу руку пожал и благодарность вынес. «Что б мы без тебя делали, — говорит, — ты, Охримцев, у нас как исторический экземпляр остался, тебя в музей милиции слать надо, молодежь службе учить, — пошутил полковник, и ценным подарком наградил — часами настенными. Часы неплохие, даже супруге понравились. Дома теперь время, оставшееся до пенсии, отсчитывают».

Так, размышляя сам с собой о сложностях милицейской службы, Николай Петрович прошел половину своего пути. И тут в темноте парка

он разглядел тело человека, лежащее на аллее и услышал глухое собачье рычание...

— Парень, ты жив? — обратился Охримцев к лежавшему на земле Пашке, который не подавал признаков жизни. Бультерьер, медленно пятясь от Ольги, развернулся боком в сторону Охримцева и полностью переключил свое внимание на него. Николай Петрович подошел еще на несколько шагов к обездвиженному телу.

— Пашка, Криворот, ты что ли? — удивленно произнес Охримцев прикрываясь от рычавшей собаки пухлой кожаной папкой с документами.

— Женщина, убегайте отсюда поскорее и звоните в скорую, тут врач нужен! — успел крикнуть Охримцев, и в это время собака в стремительном прыжке бросилась на майора.

От мощного прыжка бультерьера Охримцев не удержался на ногах и упал, успев выставить вперед кожаную папку. Урфин мертвой хваткой вцепился в нее зубами.

Ольга побежала вперед метров пятьдесят, крепко прижав к себе сына, — только бы не упасть, думала молодая женщина. Громкие крики позади и тряска разбудили сына, и он громко заплакал. От быстрого бега в темноте и страха у Ольги подвернулась нога, и, падая на землю, она успела повернуться на бок, стараясь не повредить сына.

Капитан Плетнев понимал, что за ближайшие двадцать минут к месту происшествия не сможет подъехать ни один милицейский экипаж. У Антона не было этих двадцати минут на раздумье. Неуравновешенная собака уже загрызла человека, и под угрозой были еще жизни женщины и ребенка.

— Сергей, остаешься один в дежурке. Я поеду туда сам, — в приказном тоне обратился Антон к своему помощнику.

— Да ты что, Антон, нам же нельзя! Грызук запретил, ты сам слышал на разводе! А если проверка приедет? Тебя же уволят! — ответил разволнованный прапорщик.

— Уж лучше пусть уволят, чем люди погибнут. Я не вижу другого выхода. Сейчас туда никто не доедет. Мне туда езды минут семь, — быстро говорил Антон на ходу своему помощнику, — пойдем, ворота мне откроешь! — и хлопнув его по плечу быстрым шагом вышел во внутренний двор райотдела.

— Да, Сергей, если из управления к телефону будут спрашивать, скажи, что я в здании кабинеты на опечатывание проверяю, режим секретности! Ну, в общем, ты понял! — крикнул Антон помощнику через приоткрытое стекло

автомобиля. Наконец, слабая искра словила газозвоздушную смесь и автомобиль завелся. Помощник открыл выездные ворота для служебного транспорта, и автомобиль с Антоном рванул с места, скрывшись с глаз прапорщика.

Полковник милиции Мирный заступил на дежурство помощником ответственного от руководства областного УВД. Ответственными заступали заместители начальника УВД на всю неделю, так что их дежурство было весьма условным. В ночное время он выборочно объезжал городские райотделы и пару ближних областных с ночной проверкой. Это была необходимая и обязательная процедура для всех помощников ответственных.

Служба тяготила Мирного. Вернее, не сама служба, а все те формальности, которыми он должен был заниматься в рамках выполнения должностных полномочий. Неформальности его интересовали больше. Приближалась пенсия, и надо было думать о мягкой подушке, на которую придется приземлиться. Об этом он думал уже последние лет пять. Благодаря служебным связям, без особого труда зарегистрировав на жену, открыл аптеку в спальном районе. Для вида в ней, конечно, продавались и йод, и зеленка, и даже горчичники, но основными лекарствами были кодеиносодержащие препараты, и отбоя от клиентов, особенно в ночное время, не было. Вопрос с проверками правоохранительных органов уладил быстро. Дела резко шли в гору, и полковник за год купил себе новенький японский внедорожник, правда, был у него один жирный минус — большой расход топлива. Благо, выручали подчиненные по линии службы руководители, которые обеспечивали его талонами на бензин, так что на топливо полковник не тратился.

Мирный набрал по мобильному ответственного от руководства по Тракторостроительному райотделу майора Грызука.

— Сергей Иванович, приветствую, это Мирный! — обратился он к Грызуку по телефону.

— Да, товарищ полковник, я Вас слушаю! — ответил майор, и даже привстал с кухонного стула, не доев куриный суп, заботливо приготовленный супругой.

— Я сегодня дежурю, вот, решил к вам заехать.

— Да, товарищ полковник, приезжайте, — ответил Грызук, — я сейчас с Вами в райотдел и подъеду, домой заехал перекусить.

— Хорошо устроился, Грызук! — засмеялся в трубку Мирный, — дома жопу греешь, а я твои подразделения на контроль службы про-

веряю! Может, поменяемся? — сыронизировал полковник.

— Алексей Владимирович, у меня язва, мне горячее нужно, — стал оправдываться майор.

— Ну, так отправим тебя на пенсию и лечи свою язву. Что ж ты себя не бережешь? — съязвил полковник и продолжил, — ладно, шучу. Через сколько будешь в райотделе?

— Минут за тридцать, товарищ полковник, — ответил Грызук.

— Вот и я примерно за это время туда доеду, ладно, там и встретимся, — ответил Мирный.

Мирный и Грызук подъехали к административному зданию Тракторостроительного РОВД практически одновременно. Майор Грызук быстро подбежал к машине полковника и первым отдал честь.

— Ну, здравствуй еще раз, майор! — поприветствовал Мирный Грызука протянув тому руку для пожатия, — пойдем проверять твоё хозяйство. Оба старших офицера поднялись на освещаемое крыльцо. Входная дверь была закрыта на засов изнутри. Мирный нажал кнопку громкой связи с дежурным.

— Тракторостроительный райотдел, дежурная часть, — прозвучал перед лицом Мирного ответ помощника дежурного в динамике на внешней стороне входной двери.

— Это полковник Мирный, помощник ответственного по УВД, — не спеша, с достоинством ответил полковник, — открывайте!

— Открывай, Плетнев, это я, Грызук, с проверяющим! — подтвердил майор в микрофон.

«Вот и пришел час расплаты», — подумал прапорщик, — теперь уволят нас обоих...».

Плетнев успел как раз вовремя. Оpozдал бы еще на минуту — майор был бы уже не жилец. Бультерьер вцепился в ногу лежавшего на земле участкового, и, не разжимая своих мощных челюстей, ее терзал. Капитан высадил все восемь патронов из своего штатного пээма в упор в туловище собаки, и только на последнем выстреле собака дернулась и затихла. Антон положил пистолет назад в кобуру и присел на колени рядом с Охримцевым.

— Николай Петрович, ты жив? — спросил он у лежавшего на земле майора. Охримцев слабо застонал. «Значит, жив, — подумал Антон, — крови только потерял много». Все пространство между Охримцевым и собакой было в лужах крови. Рядом валялась разорванная на клочки

дермагиновая папка с листами формата А-4, бывшими когда-то служебными документами. Надо было срочно остановить кровотечение из разорванной бультерьером ноги Охримцева. Антон недолго думая снял с себя брючный ремень и туго перетянул ногу майора выше места укуса. Отбросив ногой тело собаки в сторону, Антон оторвал от форменной рубашки длинный рукав, разорвал его вдоль на две равные полоски и перевязал кровоточащую рану. Только сейчас, когда адреналин отхлынул, Антон почувствовал страшную усталость. Подложив под голову Охримцева свою форменную куртку, он сел на землю рядом с майором и, подкурив дрожавшими руками сигарету, стал медленно и жадно курить.

— Ну, так где твой дежурный, прапорщик? Что ты здесь нас уже двадцать минут за дураков держишь? Мы уже с майором весь райотдел обошли, где он? Сбежал? — с угрозой в голосе задал вопрос помощнику дежурного полковник Мирный.

— Что у тебя здесь за бардак вообще творится, Грызук? Оперативный дежурный среди ночи сбежал из райотдела с пистолетом! А может, пока прапорщик из нас с тобой тут полчаса дураков делает, в это самое время твой дежурный уже банки грабит? А в отделе без присмотра полторы сотни стволов, дела секретные и уголовные, за которые бандиты головой своей готовы рискнуть! — обратился полковник к майору Грызуку — Где твой контроль, ответственный? Ты на пенсию хотел уйти? — Так уйдешь сегодня же! О данном ЧП я немедленно докладываю утром генералу при слаче дежурства, — жестко с металлом в голосе проинформировал полковник присутствующих. Поднимайте с постели начальника райотдела и райотдел по тревоге!

— Товарищ полковник, капитан Плетнев на вызов уехал, у нас реагировать некому, — ответил грозному полковнику помощник оперативного дежурного.

— Что? Что ты сказал? Дежурный бросил пост? Бросил райотдел на тебя одного? А если бы мы не были проверяющими, а преступниками и захватили бы тебя врасплох, ты представляешь, что могло бы произойти? Да тебя и твоего дежурного под трибунал отдать нужно!

Почти сразу же после этой злой реплики Мирного раздался телефонный вызов на мобильный телефон прапорщика.

— Сергей, это я, Антон, — обратился капитан к помощнику.

— Кто это звонит? Дежурный? Ставь на громкую связь, чтобы и мы слышали! — попытал-

ся взять ситуацию в свои руки майор Грызук. Он выдернул телефон из руки прапорщика и нажал кнопку усиления громкости динамика телефона. На все служебное помещение рабочего зала оперативного дежурного звучал взволнованный голос капитана Плетнева: — Тут такое дело. Я использовал оружие и застрелил собаку. Она напала на нашего Охримцева. Охримцев совсем плох. И тут еще труп рядом. По-моему, это хозяин собаки. Вызывай на место следственно-оперативную группу. Это парк возле метро «Пролетарская». Скорую я уже вызвал. Да, и этого, ответственного нашего, Грызука в известность поставь, я не могу ему дозвониться, телефон выключен.

— Я тебя услышал, бывший капитан Плетнев. Жди, мы уже едем. С проверкой из главка! — ответил Плетневу майор и отключил связь.

— Товарищ полковник, ну вы же все слышали! — обратился скороговоркой Грызук к Мирному и продолжил: там внештатная ситуация, наш участковый сильно испуган бойцовская собакой. Плетнев ее застрелил. Это недалеко, минут пять на машине, я вас подвезу.

Грызуку не очень хотелось идти на пенсию, вернее не хотелось совсем. Пополнять ряды начальников смен охраны супермаркетов или автостоянок он не хотел категорически, и все-таки в душе теплилась надежда получить очередное звание подполковника, согласно занимаемой должности. Поэтому и пытался спасти ситуацию, быстро ища выход из сложившегося не в его пользу положения.

Об использовании сотрудником дежурного наряда огнестрельного оружия помощник оперативного дежурного доложил по телефону в городскую дежурную часть и начальнику РОВД, разбудив того своим звонком.

Припарковав дежурный автомобиль автохозяйства областного главка у обочины, Мирный и Грызук быстро шли по аллее, все дальше углубляясь в парк. Кое-где еще горели фонари, заработавшие исключительно настойчивости майора Охримцева, доставшего все местные власти служебными письмами о профилактике уличных преступлений. Начинало светать, и уже без дополнительного освещения можно было различить границы самой аллеи, контуры лавочек, одинокие уличные фонари, деревья.

После трех минут ходьбы Мирный и Грызук увидели сидящего на земле парня с оторванным рукавом на милицейской рубашке, лежавшего рядом с ним пожилого мужчину в милицейской форменной одежде с майорскими погонами. Рядом также лежал труп собаки и обездвиженное тело молодого мужчины в луже темной крови. Возле майора находились сотрудники скорой

помощи. Они переложили майора на носилки и погрузили в служебный автомобиль.

— Я полковник Мирный, помощник ответственного от руководства по УВД области. Сдать служебное удостоверение, немедленно! — подойдя к Плетневу жестко заявил полковник Мирный и продолжил:

— Ты что здесь за сафари устроил, капитан? Два трупа, собака убитая! Грызук заведи у него пистолет! — обратился Мирный к майору.

Плетнев медленно поднялся, расстегнул карман форменной рубашки, достал из него служебное удостоверение в кожаном чехле, прикрепленное к клапану на металлическую цепочку, и протянул его Мирному.

— Увольняйте, если хотите, — ответил Антон — а майор жив, только много крови потерял. Труп рядом — это хозяин собаки, пес его загрыз. Пистолет я вам не отдаю. Только следователю после осмотра места происшествия.

— Что? Это ты мне говоришь? Ты вообще понимаешь, что тебе тюрьма, капитан? Я обещаю при свидетелях, что ты будешь сидеть! — вскричал Мирный.

Гневная вспышка полковника объяснялась просто. Он давно уже имел зуб на этот район, вернее, на его начальника райотдела милиции. Обычно в удовлетворении его личных просьб полковнику отказывать боялись, уж очень был мелочен и злопамятен, а близость Мирного к руководству областного Главка сулила в дальнейшем крупные неприятности от последнего. Начальник же Тракторостроительного райотдела милиции оказался несговорчивым на просьбы и уговоры Мирного открыть ночные аптеки возле станций метро, где в темное время суток начиналась зазеркальная жизнь района. Искренне не желал криминализации своего района начальник, а Мирный утрачивал прямую выгоду. Нужен был хороший повод для смены начальника райотдела, и Мирный почувствовал, что, кажется, ему повезло.

После приезда на место происшествия следственно-оперативной группы, приступившей к осмотру места происшествия, Мирный убыл в Главное управление, а Грызук вместе с капитаном Плетневым уехали в райотдел писать рапорта по происшедшим событиям.

Ровно в восемь часов тридцать минут утра в приемную начальника Главного управления зашли начальник дежурной части, оперативный дежурный сменяющейся смены с дежурным инспектором и помощник ответственного от руководства Главка полковник Мирный.

Утреннее дежурство у суточного наряда дежурной части принимал лично начальник Главного управления.

По команде адъютанта сменяющаяся смена зашла в просторный светлый кабинет генерала и стала напротив рабочего стола по стойке смирно. В строю со всеми застыл по стойке смирно и полковник Мирный.

— Товарищ генерал, разрешите приступить к сдаче суточного дежурства? — спросил разрешения начальник дежурной части.

— Разрешаю, — ответил генерал.

— За прошедшие сутки в городе и области зарегистрировано восемьсот сорок восемь инцидентов о преступлениях и происшествиях, из них с признаками преступлений сто двадцать четыре. Тяжких и особо тяжелых — двенадцать, из них два убийства, три случая причинения тяжелых телесных повреждений, одно разбойное нападение.

— Ну, и урожай вы мне в области надежурили...

— Это все? — спросил генерал у присутствующих.

— Нет, товарищ генерал, — ответил начальник дежурной части, — сотрудник Тракторостроительного райотдела использовал табельное оружие и застрелил собаку бойцовской породы, которая напала на людей.

— Товарищ генерал, разрешите я доложу! — перебил начальника дежурной части полковник Мирный.

— Докладывайте, полковник — ответил генерал.

— Товарищ генерал, я лично выезжал на место происшествия, а перед этим находился в самом райотделе на контроле службы, — начал свой эмоциональный доклад полковник. — Там полный бардак, товарищ генерал, дежурную часть никто не контролирует. Связи с нарядами нет. Дежурный бросил райотдел и уехал ночью на вызов. Как следствие, на месте происшествия после применения оружия два трупа, и не исключено, что это сам капитан застрелил свидетелей на месте происшествия, а потом и собаку для вида. Служебное удостоверение я у капитана отобрал, от греха подальше. И также считаю, товарищ генерал, что весь этот преступный бардак стал возможен исключительно из-за разгильдяйства начальника райотдела. Это он развел в отделе махновщину.

— Это правда, подполковник? — подняв взгляд на начальника дежурной части спросил генерал.

— Товарищ генерал, согласно суточной сводке и проведенного осмотра места происшествия установлено, что вызов сделала заявительница, которая с ребенком возвращалась ночью через парк и наткнулась на тело потерпевшего. Собака бойцовской породы бультерьер загрызла насмерть своего хозяина, некоего жителя рай-

она Павла Кривороты, проживающего по улице Плиточной, после чего набросилась на шедшего мимо старшего участкового Тракторостроительного райотдела майора Охримцева, защищавшего заявительницу. Охримцев сильно покусан собакой, потерял много крови, сейчас в больнице. Капитан Плетнев на личном автомобиле успел вовремя, тем самым спас жизнь старшему участковому. Все восемь пуль из табельного оружия попали в тело собаки, о чем есть ссылки в протоколе осмотра. Инспекция по личному составу проводит служебное расследование.

— Так выходит, что в сложившейся ситуации капитан Плетнев принял единственное верное решение. Действительно, внештатная ситуация, не предусмотренная нашими ведомственными инструкциями, — заключил генерал.

— А ты бы как поступил, полковник? — спросил генерал у Мирного.

— Я бы, товарищ генерал, ожидал прибытия дежурного наряда, получившего вызов.

— А если бы это твоя жена с твоим ребенком шла, полковник? Тоже бы жопу в кресле отсиживал?

— Товарищ генерал, вы меня не так поняли, — стал оправдываться Мирный.

— Все свободны, — обратился к присутствующим генерал, — Мирный, останься.

Дежурная смена покинула кабинет генерала, кроме Мирного.

— Я давно к тебе присматриваюсь, полковник. Смотрю, уж больно ты резвый не в ту сторону. Полковника получил через мою голову. Кого ты там в министерстве успел подмазать? Что молчишь? Справка вот на тебя из УВБ пришла, что трамвадом через жену приторговываешь. Вот она у меня на столе лежит. Бензин в подразделениях кланчишь. Знаешь, как таких как ты жулики между собой называют? Нет? Барыга!

— Товарищ генерал, это оговор, я вам сейчас все объясню! — стал возражать полковник.

— А не надо мне ничего объяснять, пиши рапорт сегодняшним днем и уходи отсюда в народное хозяйство. Сегодня же дам команду начальникам УБНОна и УГСБЭП на проверку предпринимательской деятельности твоей супруги. Если факты подтвердятся, пеняй на себя.

Мирный стоял навтыжку перед генералом и молчал. Ему нечего было сказать. Он только не мог понять, кому же он так перешел дорогу, что его бывшие коллеги из УВБ сами на него подготовили компромат и сдали его генералу?

— Кругом! Прибыть в кадры и сдать служебное удостоверение, рапорт на увольнение оставишь начальнику управления кадров, я проконтролирую лично. Все понятно, полковник? — спросил генерал у Мирного.

— Да, — ответил Мирный.

— Заедешь после этого в Тракторостроительный и лично вернешь удостоверение капитану Плетневу. Это тоже понятно? — спросил генерал.

— Понятно, — ответил полковник.

Мирный вышел из кабинета начальника ГУМВД, тихо прикрыв за собой дверь.

Генерал нажал кнопку селекторной связи с адъютантом.

— Соедини меня с начальником управления кадров, — дал он указание своему адъютанту. После ответа начальника кадрового управления генерал сказал:

— Иван Григорьевич, к тебе там полковник Мирный пошел, проконтролируй, чтобы рапорт на увольнение сегодняшним днем был и удостоверение у него заберите сегодня же. Да, позвонишь начальнику поликлиники, чтобы тот не вздумал ему больничный открывать. И еще, чуть не забыл. Сегодня в Тракторостроительном дежурный оружие применял, застрелил собаку, спас жизнь участковому. Возьми на контроль помощь участковому лекарствами и деньгами и подготовь наградные документы на капитана Плетнева. Думаю, парня надо поощрить, не каждый на такое способен в наше время! — немного подумав генерал добавил. — На капитанах у нас сегодня вся милиция держится.

— Антон, тут тебя на крыльце девушка жлет, еще вчера подходила спрашивала, мы сказали, что твое дежурство сегодня, — обратился к капитану Плетневу оперативный дежурный старой смены. Антон вышел на улицу. На крыльце стояла неизвестная ему красивая молодая женщина.

— Здравствуйте, Антон! Вы меня не знаете, — смущенно заговорила девушка, — Меня зовут Ольга, это меня с сыном вы спасли позавчера от той страшной собаки. Я пришла вас поблагодарить. Вот, это вам от нас, — сказала Ольга и несмело протянула Антону коробку шоколадных конфет.

Антон весело рассмеялся.

— Оля, это лишнее. Заберите конфеты домой, с сыном вместе за чаем выпьете.

— Мы конфеты не едим, бережем зубы от сладкого, — улыбнувшись ответила Ольга. — А знаете что? Приходите завтра после дежурства к нам в гости, сын все мечтает живого милиционера увидеть, который из пистолета стрелял.

— Ну, это другое дело! Что ж, мечты должны сбываться! — ответил Антон и улыбнулся Ольге.

Метро Джерелянський

Публіцист, поет. Гість альманаху

За освітою — історик, за покликанням — літератор. Друкується у вітчизняній та зарубіжній (діаспорній) періодиці, колективних збірках і альманахах, лауреат багатьох журналістських та літературних премій. Особливе місце у творчому доробку Петра Джерелянського посідають надзвичайно прості за змістом та формою вірші, об'єднані почуттям ширшої любові до світу — безмежного й розмаїтого... [2018]

Захоплюється парашутним спортом — має на своєму рахунку майже п'ятсот різних за своєю складністю стрибків, входить до Національної федерації парашутного спорту України. [2015]

Зі слів простих коштовний крам
Перо поета витинає —
Крама, що нікуди не зникає,
І що не їсть його іржа...

Передчуття польоту

За мотивами «Книги годин» Райнера Марії Рільке

1
Ще сплять засніжені лани,
Сховалась річенька під кригу...
Щасливі дні — невже й вони
До забуття потраплять книги?
Передчуття польоту часом
Хвилює більше, ніж політ,
Коли ж гукнемо весну разом —
Наблизимо її прихід!
Поквапляться дерева й квіти
Знов одягтися в диво-сукні,
І вкотре Бог дасть зрозуміти,
Що геть в усьому Він присутній!
В стебельці ніжному травички,
У безлічі зірок на небі,
В серцях — у брата і сестрички —
Та в кожній мрії незбагненній...

2
Ідемо по життя дорозі
З тобою — не злічити кроків...
Та не зізнавсь коханій досі,
Куди прямуєм стільки років

І як дістанемося цілі...
Я обираю подолання
Важкого шляху, а не милі
(Бо ж заповітні!) сподівання.
Хіба не краще, ніж у клітці
Пташину стомлену тримати,
На волі — в лузі чи на річці —
За птахом щастя полювати?
Як доля вирішить — не знаєм,
Але не зрадить нас дорога,
Коли проляже рідним краєм
Й до храму приведе, до Бога.

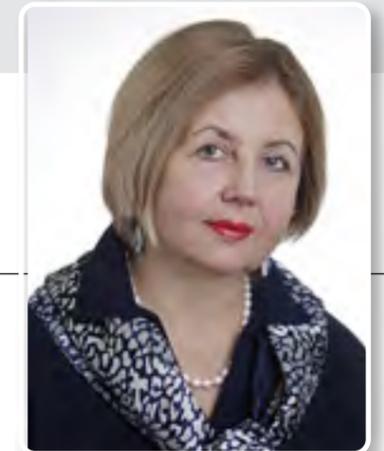

Здається часом — від розпуки
До щастя лиш єдиний крок...
У відчаї стискаєш руки:
На брамі майбуття — замок.
В журбі не знаєш, що робити...
Аж розпадається імла,
І ось уже дорога бита
Веде до міста чи села.
А там — усміхнена надія
Тебе до серця пригорне,
І виповниться давня мрія...
Все, що наснив, як сон й мине...

Завідувач кафедри медичної
та біоорганічної хімії, доктор
фармацевтичних наук, професор

Родилась и училась в г. Харькове, работала в Харьковском базовом медицинском колледже, с 2005 года работаю в Харьковском национальном медицинском университете. Вся жизнь и литературное творчество тесно связаны с городом Харьковом.

Танна Сирова

Мій ти (пісня)

Як люблю я тебе, як кохаю —
Знає тільки зозуля у лісі.
І я більшого щастя не маю,
Ніж кохати тебе, ніж любити.

Взимку, влітку тебе я кохаю,
Навесні, восени...
І я більшого щастя не маю,
Ніж мій ти, ніж мій ти!

Відкриваю я очі і бачу,
Що прокинувся ти біля мене.
«Добрий ранок» — я чую, ледаче
Відповім, мої мрії про тебе.

Взимку, влітку тебе я кохаю,
Навесні, восени...
І я більшого щастя не маю,
Ніж мій ти, ніж мій ти!

Хай щастить нам з тобою,
Хоч пізно ми зустрілися на землі,
Я одягну святокове намисто,
Заспіваю тобі: «Тільки ти»!

Взимку, влітку тебе я кохаю,
Навесні, восени...
І я більшого щастя не маю,
Ніж мій ти, ніж мій ти!

Стая серых гусей

Стая серых гусей улетала на юг,
Она плавно взлетела и сделала круг,
А внизу там остался любимый их луг,
А нам нём мощный, крепкий, раскидистый бук.

Улетали они, не печалась о том,
Что вот снова покинули отчий свой дом,
Что вернутся не скоро в любимый свой лес...
Он без них листья сбросит...

Вдруг голос с небес. Прогремел, прокричал:
«Не бросайте свой дом!
Что-же будете делать вы, птицы, потом,
Когда вновь прилетите, а леса уж нет,
Потому что его срубил злой человек?»

Птицы вдруг встrepенулись, и стая рывком,
Сложив крылья, отправилась за вожаком
В лес родной, где знакомо практически всё
И которьй любим ими очень давно.

Гуси плавно спустились в любимый лесок,
Часть из них полетела на жёлтый песок,
Что вокруг озерца, он за лугом большим...
«Будем здесь зимовать» - так вожак их решил.

Идут годы, а стая диких гусей,
Всё зимует в лесу — нет зимовки милей.
И никто их не трогает, лес они охраняют,
Или кажется им, или так представляют...

Кандидат медичних наук, асистент
кафедри внутрішніх хвороб №2

Я научилась читать в три года. Дедушка взял старенький букварь и за несколько дней буквы сложились в слоги, слоги в слова и предложения. А потом появились рифмы! Рифмы, которые просто есть внутри и которыми мне хотелось бы поделиться с вами.

По привычке сбивая колени и локти,
Так по трассе бежать нараспашку душой,
Что казалось, рассыплешь все буквы и ноты
На асфальте, мешая их с жёлтой листвой.

Вся обочина залита брызгами цвета,
Темно-красным, бордо, как разбили вино.
Птицы клиньями, летняя песня допета,
И сверчки в глубине все умолкли давно.

Выбирая из вечных вопросов ответы,
Так стирать пальцы в кровь через две полосы.
Жизнь небрежно подбрасывает монету
Через щели в проёме забитой двери.

Воздух пряный, он жжет и щекочет сквозь дыры,
А на выдохе что-то сжимает в груди,
Если все-таки мы ещё вроде бы живы,
Можно больше по встречной назад не идти.

На огромном гудящем пространстве,
Вдоль исчерченном вспышками встречных,
Упражняясь в остротном пасьянсе,
На бегу рассуждаем о вечном.

Что за окнами мелкие капли,
А хотелось - то ливней, то града,
И скорей наступило бы завтра,
Чтоб все формулы встали, как надо.

Будет ветер попутным, и стёкла
Не замёрзнут при лютном морозе

На одной параллельной Вселенной,
Где все рифмы окончатся в прозе.

Рамки мнений и формы контекстов
Закрывают решенья простые,
Создавая цепочки рефлексов,
А по сути - одни болевые..

С ними легче, они оправдания,
Только, как там у древних поэтов,
На сейчас есть лишь сила желания,
Написать, позвонить и приехать.

Говорят, что Она слишком резкая на суждения
и слова,
От Неё, как от запаха терпкого, через час болит
голова.

И в движениях мало плавности, больше кру-
жится на бегу.
Обжигает колкими фразами, словно танец огня
в снегу.

Когда смотрит на свет - не шурится и всегда
говорит в глаза.
Если плачет, то и небо хмурится, но никто не
видел в слезах.

И смеётся так, до истерики, до искусанных губ
и рук,
Что таких, как Она, правоверные с большим
камнем бросали в пруд.

Явно странная - улыбается, даже если у горла
нож,
Только изредка от волнения, чуть заметная в
пальцах дрожь.

Что безумная и бесстыжая, и на мнение всех
плюет.
Говорят, что - Она ведь рыжая, ну а этим всег-
да везёт.

Мы испуганные дети на параболе орбиты,
Эта осень без иллюзий, даже двери не закрыты.
На игрушках маркировка «пазлы-мелкие дета-
ли»,
Мы солдатики в коробках, и на каждом по меда-
ли.
И стратегии на картах, наступления, маневры,
Разбиваются о страхи, спотыкаются о нервы.
Паутина междометий, каждый знает и уверен,
Что в игре на выживание - редко кто приходит
к цели.
И оправданы все средства в достижении на-
грады,
Врут приметы, гороскопы, мы ж обманываться
рады.
На запястьях красной ниткой - оберег от не-
удачи,
Не усвоены уроки, не развязаны задачи.
На площадках тонны листьев, перемешанных со
снегом,
Просто мы играем в игры, кто с надеждой, кто
с успехом.

Идей немного, лишь чужие мысли,
Перековерканные в статусах сетей.
Сегодня солнце и весна так близко,
Что хочется раздеться до костей.

Увидеть сердце, не из плюша или стали,
И когда смотрят vis a vis, а не поверх.
Другими были, как другими стали -
Записано на пыльной пленке фильма в папке
«не для всех».

И нужно вроде на полтона тише,
На повороте снизить скорость и на ближний
свет,
Но вдавливаясь в руль, чуть наклоняясь ближе,
Уже почти беззвучно шепчешь «нет».

Всем все понятно, и без обновлений,
Зачем нам узнавать про личностный подвал?

Число коробок без пометок, номеров, наклеек,
Растет в прогрессии, похожей на завал.

Пит-стоп на кофе, о работе споры,
На новый круг - рассвет, зелёный чай.
Когда в дороге в полночь выключают светофо-
ры,
Чуть снизить скорость, отпустить педаль...

Если ты и в тиши ночной, и в полуденном гуле,
В пустоте пустынь и в толчее городских пробок,
Моё имя про себя иногда поминаешь всеу, Этот
мир, возможно, уже не такой убогий.

Если всё не так, не звал, не просил, не верил,
А сейчас хоть волком, но вроде неплохо кормят,
Правда, нехотя, через щели окна и двери,
А потом, ты знаешь, что точно в поддых и
больно.

Ты не веришь людям, и мне уж не стоит точно,
Калибровка цели с годами до миллиметра,
И в прицел все мишени видны заочно,
Без поправок на дождь, звездопад и порывы
ветра.

Только вот в чем суть, квинтэссенция, если
хочешь, доктрина,
Тех ломающих, жизненно необходимых исто-
рий,
Что, когда ты всеу моё поминаешь имя,
Мир меняется и это того стоит.

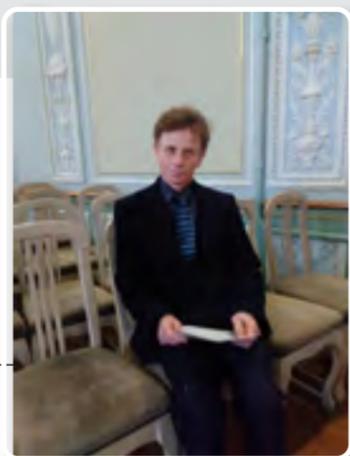
Вновь не найден баланс, мне в Париж или в
Вену?
Мне с корицей иль без? Наступая на край,
Кто решает за нас, обойти или в стену.
Если ты не уверен, то и не начинай.

Нет решений простых, как границ у сознания,
Открывая окно - будь к торнадо готов,
На вершинах углов получаешь те знания,
За которые раньше не хватило б костров.

На граничной черте, на пульсации ритма,
Когда ломит виски от басов и толпы,
Очень важно идти по связующей нити,
Если знаешь, что где-то всего важнее ты.

Два с корицей, в Париж, все открытые окна,
А стена на пути - из тревог миражи,
И шагая в костёр, наступая на стёкла,
Лишь, пожалуйста, крепко за руку держи.

Володимир Федоров

Кандидат медичних наук, доцент кафедри внутрішньої медицини №3 та ендокринології

У 1986 р.н. закінчив Харківський медичний інститут з відзнакою за спеціальністю «лікувальна справа».

У 2000 року обраний на посаду доцента кафедри внутрішньої медицини №3 ХНМУ, з 1995 р. заступник декана 1-го медичного факультету.

Вірші почав писати з дитинства. Присвячував їх знаменним подіям, вітанням або просто «під настрій».

Но весна - не за горами,
Март вступил в свои права.
Солнце теплыми лучами
Греет лучше, чем вчера.

Наших женщин поздравляем
С днем весны, любви, надежды,
Счастья мы Вам всем желаем,
Будьте милыми, как прежде!

Пусть с любовью поздравляют
Вас мужчины в эти дни,
Души пусть Вам согревают,
Знайте – любят Вас они!

Поздравления к юбилею Харьковско-го национального медицинского университета

С юбилеем, с юбилеем,
Наш любимый универ!
Помним, любим и лелеем,
Ставим всем всегда в пример!

Поколений разных много
Получили здесь диплом,
К медицине путь-дорогу
Открывали люди в нем.

Славных множество традиций
Сохраняем мы в сердцах,
Пусть всегда любовь искрится
У сотрудников в глазах!

Семьи пусть здоровы будут,
Пусть удача будет в прок,
Alma-mater не забудут,
Кто прошел здесь свой урок.

Память

Возьму фотографий альбом
И молча смотрю в тишине,
Отца фотографии в нем,
И мысли илут о войне.

Вот в форме отец мой стоит,
А рядом - фронта друзья,
И мысль куда-то летит,
Рассказы помню все я.

Ходили в разведку бойцы,
И страсти кипели кругом,
Ложились на землю отцы,
Фашизм не пустили к нам в дом.

И в праздник Великой Победы
Хочу я вам всем пожелать –
Пускай исчезают все беды,
Войны пусть не будет опять.

Пусть миром спор весь решится,
Друг друга все слышат кругом,
И счастье к нам в двери стучится,
И мак зацветет за окном.

8 марта!

Снег лежит в округе дивный,
Холод зимний за окном,
На окне искрится иней,
Реки блещут серебром.

Матьяна Чайченко

Врач-педиатр, детский эндокринолог. Доктор медицинских наук, профессор кафедры педиатрии №1 и неонатологии Автор поэтического сборника «В плену фантазий и иллюзий».

Поэзия для меня нечто большее, нежели увлечение, поскольку рифма является продуктом размышлений и эмоциональных переживаний. Мне нравится плести кружева из слов, наполненных смыслом и выстраивать их в ряды, подчиняющиеся законам ритма. Полагаю, что именно в звучании рифмованной строки хранится безапелляционная квинтэссенция бытия.

Лик Мадонны

Лик Мадонны в пыли,
В золе и пьели.
В раздавленном пеплом храме
Её святость втоптали
В лоно земли
Чужестранными сапогами.

Лик Мадонны в песке,
В нищете и в тоске.
В палатке на пестром базаре
Её чистую кожу
В немой руке
Без стеснения радо терзали.

Лик Мадонны в крови,
В пелене визави.
В духоте суемудрий убогих
Её душу подвергли
Порочной любви
И смешали с тщетой хронологий.

Лик Мадонны в грязи
В постижении стези,
В возрождении благодати прочит.
Её взгляд, побеждая,
Порок исказит.
Отмывая грехи, мироточит.

Победителей не судят

Пусть победителей не судят
И не сажают их в острог:
Они торжественно разбудят
Почин и скрасят эпилог.

Им радо мерят локоть лести
И двоедушный бьют поклон.
Старушка их в восторге крестит,
Девица вдруг теряет сон.

Им гордо вешают награды
Под нескончаемый канун.
За ними шествуют отряды,
Для них всегда открыт салун.

Внезапно в свет открыты двери
И сплошь рентабельный баланс.
И каждый им на слово верит,
Лишь им позволен мезальянс.

Но как Фортуна ни слепа,
Уж снова в поиске возропшет:
Вчера хвалившая толпа
Сегодня весело растопчет.

И вот, достойный осуждения,
Лишь полагаясь на чутье,
Пройдёт позор и возрождение,
И канет вмиг в небытие.

Да, победителей не судят.
Для них сродни венец и плаха:
Они живут на зависть людям,
В финале ж просто горстка праха.

2018

2017

Врач функциональной диагностики – УЗИ в Национальном институте терапии имени А.Т. Малай НАМН Украины

Закончил Харьковский медицинский университет в 1999 году. С 2008 года по сегодняшний день работаю в отделении профилактики и лечения неотложных состояний под руководством д.м.н., проф. Копицы Н.П.

Увлекаюсь музыкой (игре на гитаре, ударной установке). Пишу стихи. Занимался эстрадным вокалом. В прошлом профессиональный спортсмен.

Осенним утром солнце меньше греет
И ветер кружит листьев хоровод
Короче стали дни, а ночи все длиннее,
Уходит лето, но вернётся через год.
Ноябрь пришел — предвестник зимних оргий.
Метелей белых, злобных вьюг.
Душа опять наполнилась любовью.
И птицы улетели все на ЮГ.

Еще таятся Лета отголоски.
Видна ещё пожухлая трава.
И проседь снега на траве
Так смотрится неброско.
А в Храмах отслужили Покрова.
Деревья незаметно оголились.
И нет уже ни зноя, ни жары.
И время вдруг на миг остановилось.
И осень оказалась вне игры.
Циклично в Мире всё.
Всегда зима сменяет лето.
И время незаметно утекло
Природа- это муза для поэта.
Души его прозрачное стекло.

Бывает день, прожитый просто так.
Он оставляет пищу для сомнения.
А время мчится, вроде бы, пустяк.
И убивает просто нас без сожаления.
Как много дней, ушедших в пустоту.
И лет, что промотали понапрасну.

Не ценим мы простую доброту,
Что в трудный миг является лекарством.
И счастье не способны ощутить, всё ждём небесной манны, как затмения!
И Миг, подаренный судьбой.
Теряем мы его в одно мгновение.

Мерило времени!- ты даришь миг любви.
То и радость встречу, то горечь поражения,
Когда в душе холодные дожди.
Унынья грех и чёрное затмение!
Ах, сколько дней, прожитых без любви.
И сколько лет, ушедших безвозвратно.
Мы словом не зажгли в душе огни.
И ближнему не сделали приятно.
О, сколько дней, потраченных зря?
Они умчались вдаль, как призрак ночи.
И если их убрать с календаря.
То станет наша жизнь еще на жизнь короче.

Пока Вам рады, набирайте номер чаще.
Пишите смс, пока их ждут.
Из недр сердца, из глубин душевной чаши
Возьмите самый важный атрибут.
Звоните днём или глубокой ночью.
Порою жизнь непрочна, словно нить.
Звоните сквозь обиды и невзгоды.
Звонок, набор, Алло! — и не с кем говорить.

Я раскрыл двери настеж,
А душе моей тесно

Предают между прочим, предают повсеместно.
Будто с легкостью рыси, грациозностью лани
Забывают о чести и плюют в нее сами.
Забывают о дружбе,
О добре и заботе.
Чувства душат насильно
Дома и на работе.

Убивают с улыбкой,
Наслаждаясь неспешно.

Да, картина не очень.
Но им всё же потешно!

Эй! шуты, скоморохи!
Будет!- полно стებაсться!

Как же Вас не воротит
Над душой издеваться?

Я закрыл двери плотно.
От зевак и прохожих.
Думал вижу я лица.
Рассмотрел только рожи.

Послушай! — Слышишь тишину?
Безмолвно глади рек шуршанье.
И не заметно никому.
Как будто легкое дыхание.

Как летних трав зелёный шёлк, Как легкий бриз ночного моря.
Давайте слышать тишину.
Бывает в крике много горя.
И в этом шуме -тишина, её звучание нам не слышно,
Сокрыта в паузах она.
Под грузом звуков еле дышит.

Вся жизнь проходит в суете, в скандалах, криках и скитаньях.
И мы давно уже не те.
Сыны чужого Мироздания.

Давайте слышать тишину!
И звук покажется дорожке!
И звуки будем слышать мы.
Как тишину любить мы сможем.

Смеётся тот, кто горе пережил.
А слёзы ценны после пьяного веселья.
Когда в спине холодные ножи,
То боль воспринимаешь, как похмелье.
Так свет мы ошущаем после тьмы.
Так холод ценим только жарким летом.
Давайте просто жить и Мир любить.
И Господа благодарить за это!

Я вернулся бы в юность.
Я помню, как в детстве
Были сбиты колени,
Но не тронута сердце.

Я вернулся бы в школу.
Возможно, в класс пятый,
Где мы дрались до крови,
Озорные ребята.

Где учили быть честным,
отзывчивым, кротким,
Где по жизни брели мы
Неспешной походкой.

Я вернулся бы юность,
А лучше бы в детство.
Это годы мои —
Большое наследство.

Как много мыслей в буйной голове,
Как мало тех, с кем ими поделиться,
Как хочется до одури напиться,
Раскинуть вольно руки на траве.

Как много слов, ушедших в пустоту
На крыльях мрака полусонной ночи.
А время мчится... Наша жизнь короче...
И я покою когда-то обрету.

Как много буйных мыслей в голове,
Но даже не с кем ими поделиться....

Образование,
искусство,
фото,
рукоделия

Врач-интерн в Городской клинической больнице скорой и неотложной медицинской помощи имени проф. А.И. Мещанинова

Знаете, я считаю, что каждый должен иметь занятие, которое приносит ему удовольствие и с которым он просто отдыхает душой. Лично для меня, это фотография. Это занятие, которое приносит покой, расслабляет и дарит впоследствии хорошие воспоминания. Не помогут курсы, дорогие камеры и прочая атрибутика, если нет искры в глазах и влюбленности в своё дело. Я желаю каждому найти свое дело и полюбить его так же, как я люблю фотографию.

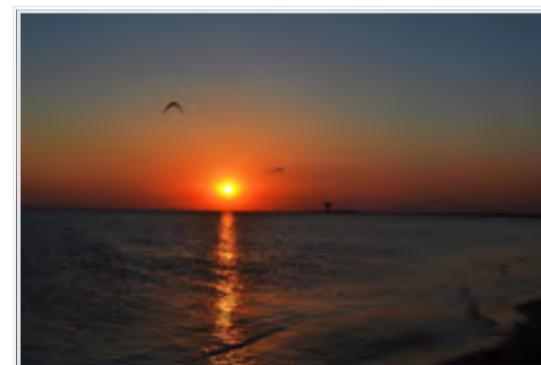

Порхай как бабочка. Жаль как пчела

Весна — это не столько время года, сколько состояние души...

Один закат не похож на другой, краски неба не бывают одинаковыми

Лето всегда пахнет клубникой

Зима - время года, которое физически отталкивает, но притягивает душевно. Это дни, когда весь мир словно засыпает

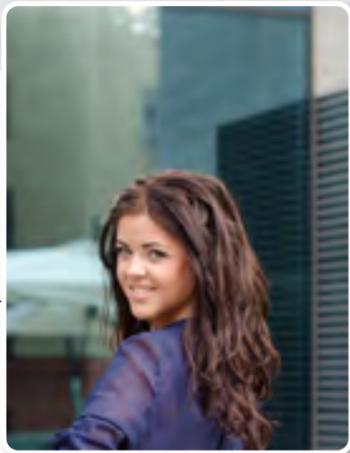
Любіть Україну, як сонце любіть, як вітер і трави, і води...

Смысл жизни не в том, чтобы ждать, когда закончится гроза, а в том, чтобы учиться танцевать под дождем

Елена Зиновьева

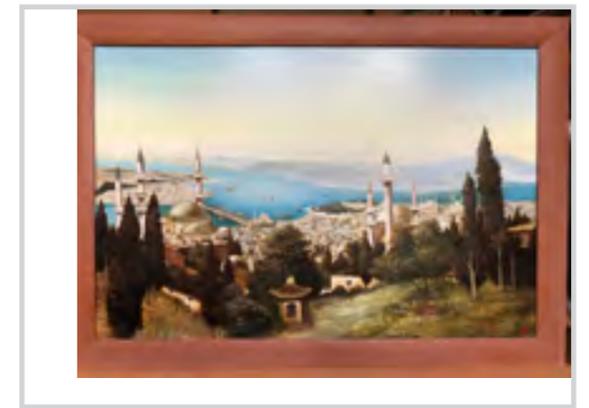

Ведущий юристконсульт юридического отдела

Я начала рисовать еще в детстве: всевозможные школьные плакаты, стенгазеты, календари — и мне это жутко не нравилось. Прошло время, я закончила школу, поступила в университет и поняла, что я очень хочу рисовать и мне этого очень не хватает. С 2011 г. стала ходить на курсы. На данный момент написала уже более 30 картин, большинство из них это подарки родным и близким мне людям.

Маки. Холст,масло

Турция. Холст,масло

Бокал вина. Холст,масло

Пиратский корабль. Холст,масло

Березова роща. Холст,масло

Матьяна Золотарева

Откроется занавес – и вдруг
Зальет свет софитов все вокруг...

Шесть лет назад я начала заниматься фотографией и мой мир вышел за рамки привычного. Через объектив я стала видеть и замечать больше. С тех пор я стараюсь найти красоту в тех вещах, на которые мы порой просто не обращаем внимания. Я играю с предметами, а они с моим воображением. Любовь к танцам, к сцене я перенесла в фотографии, которые можно назвать «домашними» в самом прямом смысле этого слова из-за места их создания — дома. Это не студийная съемка и специально выставленный свет. Это маленький кухонный столик, настольная лампа, любимые маленькие «модели» и предметы, увозящие меня в тот самый фантастический и манящий мир макрофотографии. Я хочу показать своими снимками, какое изящество может быть в простых предметах, если увидеть в них красоту!

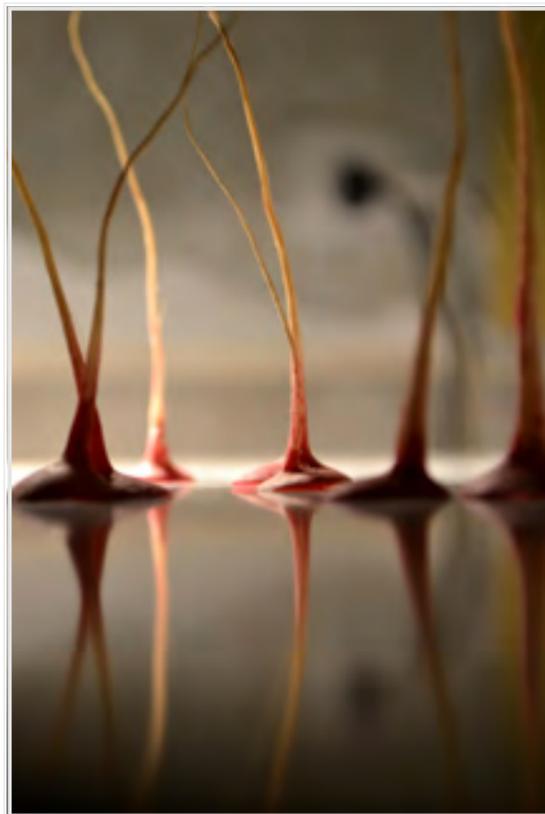

3 бабий бунт -3045

Страсти на сцене и за кулисами

Поклонник балета

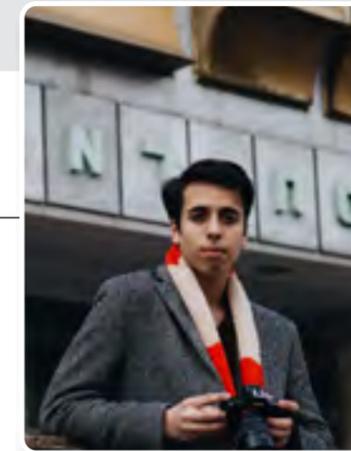

Студент 4 курса, 4 медицинский факультет

Какой самый живучий паразит? Бактерия? Вирус? Кишечный глист? Идея. Она живучая и крайне заразная. Стоит идее завладеть мозгом, избавиться от нее практически невозможно. Я имею в виду сформировавшуюся идею, полностью осознанную, поселившуюся в голове.

Доминик Кобб

Доминик Из-Зиг

Твигги

Любовь

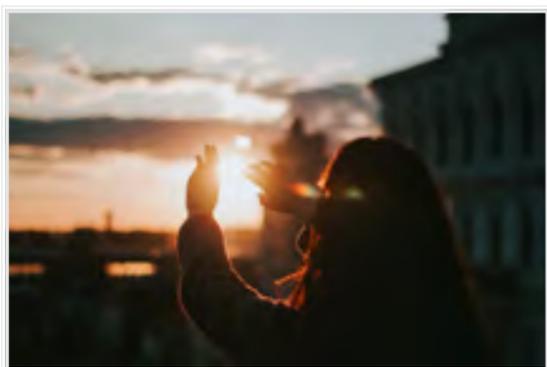

Уют

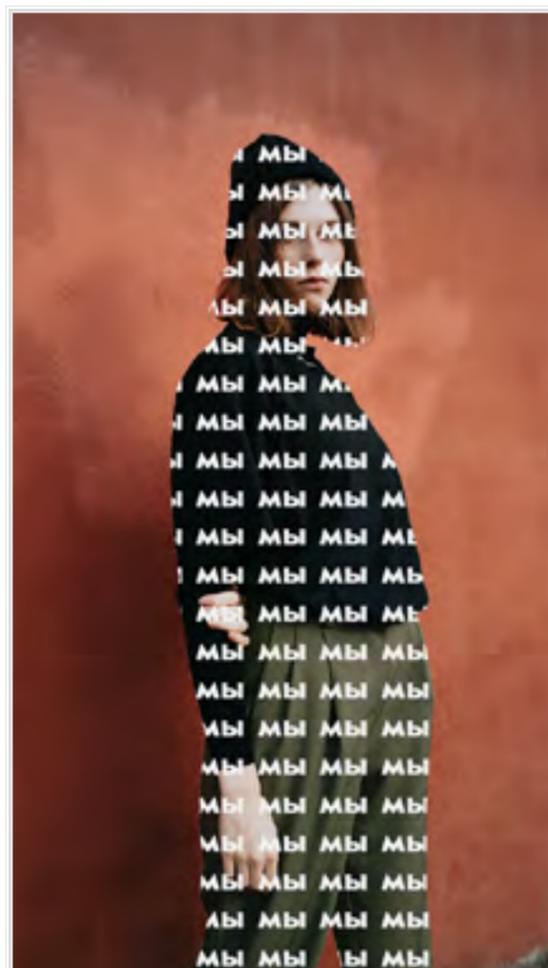
Бусинка

Мы

Polarized

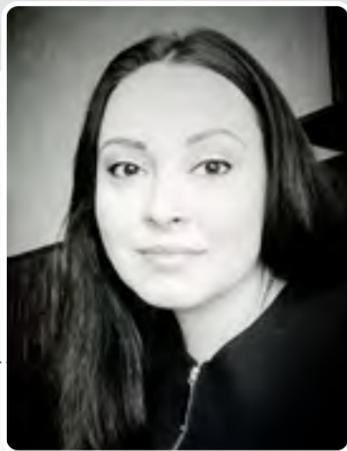
6.66 утра

Ожидание

Лілія Коровіна

Кандидат медичних наук, асистент кафедри психіатрії, наркології та медичної психології

Ще з дитинства дуже цікавилась малюванням. Закінчила дитячу художню школу імені І.Ю. Рєпіна з відзнакою, де навчалася під керівництвом М.Г. Безнощенко. Захоплююсь акварельними (ботанічною аквареллю) та графічними техніками (вугілля, соус), олійним та акриловим живописом. Брала участь у регіональних виставках живопису та графіки. Долучаю себе до учнів Людмили Чемоданової.

Вважаю, що в середині кожної людини є мистець, що може бути відкритим світу.

Кіт в інтер'єрі, соус, папір

Рожеві півонії, акрил, полотно

Море, олія, полотно

Ромашкове поле, суха пастель, папір

Владимир Коробчанский

Профессор, доктор медицинских наук, академик Академии наук высшего образования Украины, академик Украинской академии экологических наук, член-корреспондент Международной академии интегративной антропологии, директор НИИ гигиены труда и профессиональных заболеваний ХНМУ

Врач, ученый и педагог, посвятивший себя проблеме охраны физического, психического и социального здоровья человека и общества. Научную работу Владимир Алексеевич сочетает с художественным и литературным творчеством.

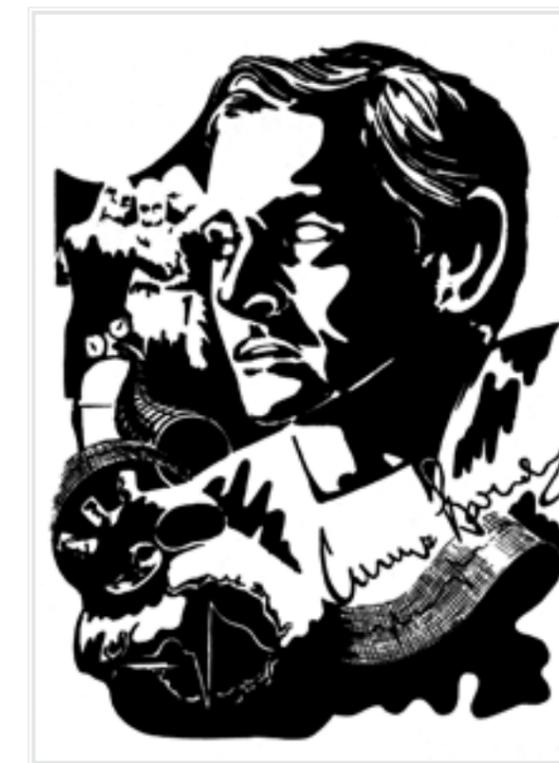
Неизбежность

Панспермия

Александр Марзеев

Кристиан Бернар

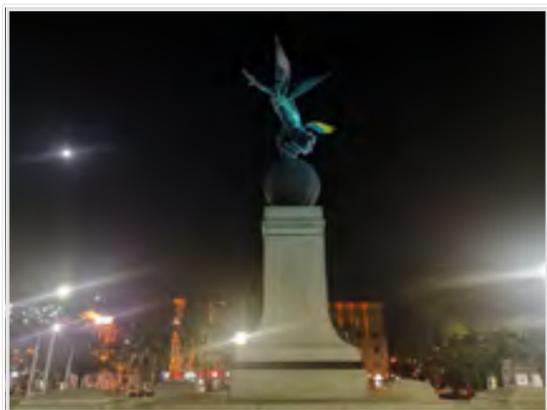
Александр Морозов

Кандидат медичних наук, асистент кафедри патологічної фізіології ім. Д.О. Альперна

«Фотография оставляет открытыми мгновения, которые сразу же перекрываются напором времени».

Морис Мерло-Понти

Вечірня інсталяція (сад імені Т.Г. Шевченка).
З серії «Вечірній Харків»

“Україна, що летить”. З серії «Вечірній Харків»

Собори Харкова. З серії «Вечірній Харків»

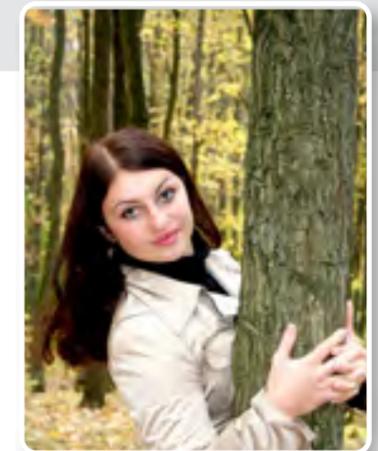

Кандидат медичних наук, доцент кафедри внутрішньої медицини №3 та ендокринології

Завжди полюбляла активні види відпочинку з елементами екстриму, а два роки тому вирішила спробувати себе й в образотворчому мистецтві. З того часу даний вид творчості є однією з найяскравіших частин мого життя. Призер обласного галузевого конкурсу образотворчого мистецтва «Поезія мольберту-2019».

Вважаю, що малювання, як і будь-яка творчість, відображає життєву мудрість — те, що у світі немає чисто білого та чисто чорного кольорів, як і в житті немає добра чи зла в абсолютному вигляді, але існує величезна кількість полутонів, яким люди надають різне забарвлення в залежності від власних поглядів, інтересів та глибини своєї душі.

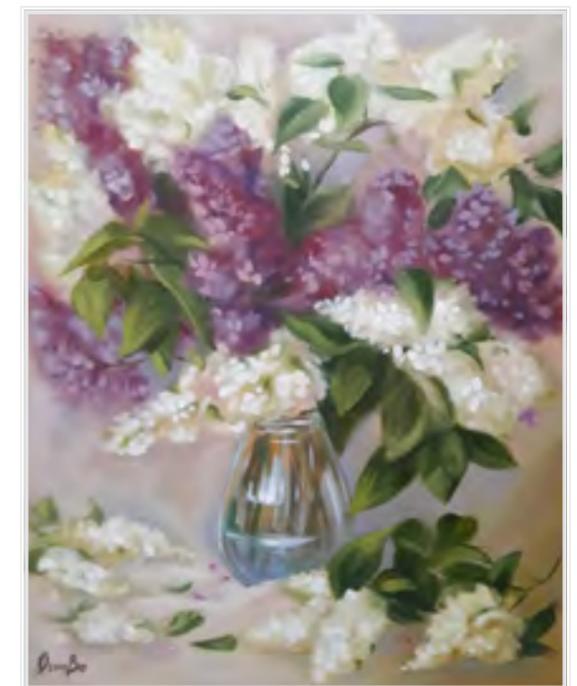
Лена Огнева

Літо в Італії. Холст, масло

Бузок для бабусі. Холст, масло

Кашмір. Холст, масло

Ніч на кораблі. Холст, масло

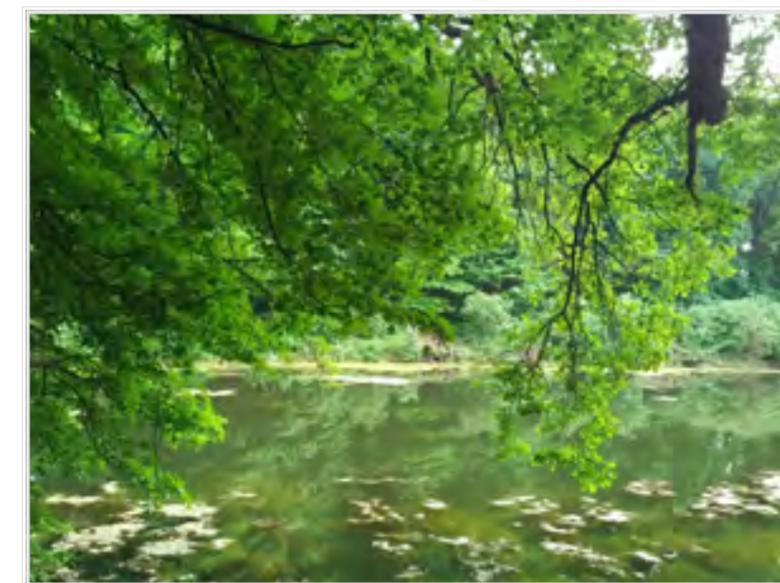

Доцент кафедри травматології
і ортопедії ХНМУ, кандидат медичинських
наук

В школі увлекався фото, посещав кружок фотолюбителів при УПК от заводу ім. Малышева.

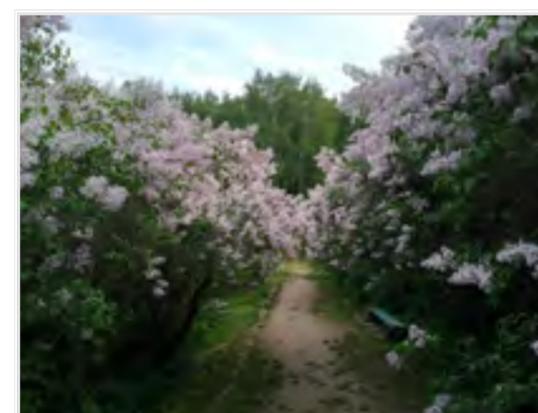
Люблю найти в простом сюжете что-то сложное и не всегда видимое при взгляде с другой стороны угла.

Антон Олейник

Кочубеевский пруд

Бузковий Гай

Везде маки

Пархомовский пруд

Шаровский пруд

Врач-психотерапевт городской поликлиники № 8, выпускница ХМИ

Думаю, что могу считать себя счастливым человеком, потому что у меня есть все три компонента, необходимые для счастья каждому: любимая семья, работа, приносящая удовлетворение, и увлечения.

 льга Прасол

Просто пёс, просто осень

«За каменной стеной». Кофе, бумага, 33x43 см с оформлением

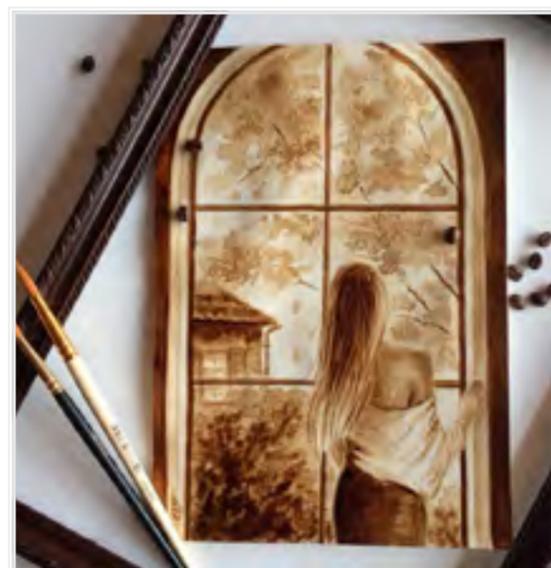

Букет. Кофе на бумаге для акварели. 43x33 см с рамкой

«Ливень». Кофе, бумага для акварели

«Девушка у окна». Кофе, бумага для акварели

Кофейный дождь. 43х33 см, кофе на акварельной бумаге.

Немного кофейной нежности. Кофе на акварельной бумаге, 33х43 см с рамкой

Преподаватель кафедры языковой подготовки иностранных граждан

«Едва ли есть высшее из наслаждений, как наслаждение творить»

Н.В. Гоголь

«Только в творчестве есть радость – все остальное прах и суета»

А.Кони

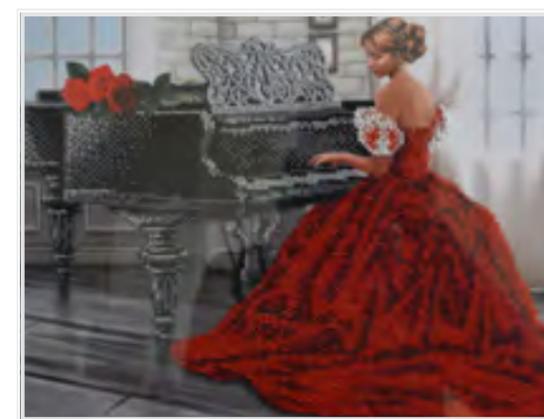
Ирина Сидора

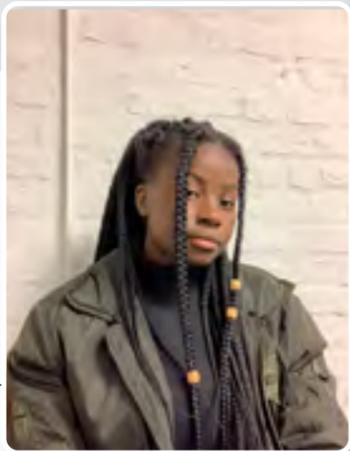
Вьюга. Бисер

Семья. Бисер

Грация. Бисер

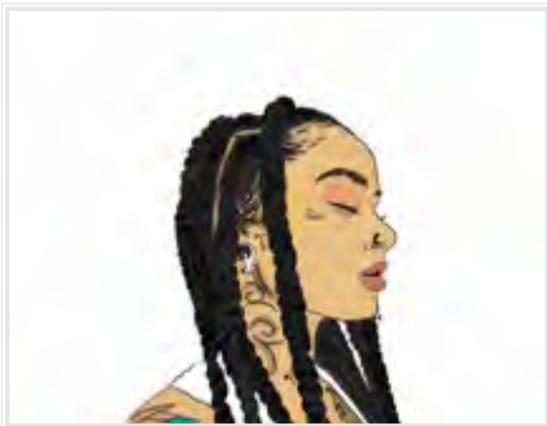

Kulani Holeni

Student of the 3 course, VII Faculty For International students. Republic of South Africa

In my free time I enjoy making digital art and writing poetry. I feel that it is important to have other things to do besides study because it gives you an outlet and keeps your creative juices flowing. In my country (Republic of South Africa) we have different people from different parts of the world and I believe that influences my art and story telling because I'm opened up to a lot of people with a lot of different experiences. This helps me open my mind and my imagination to endless possibilities and I think that's lovely.

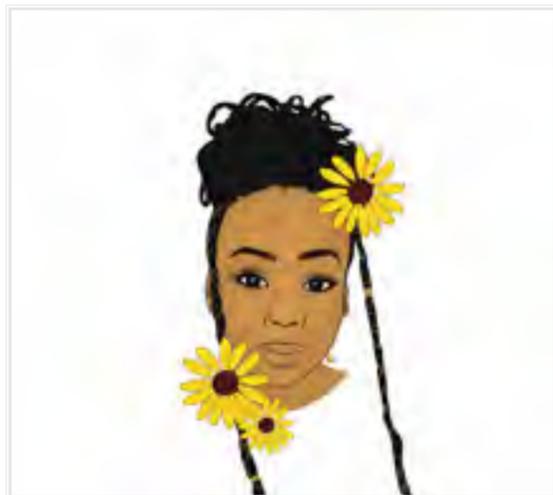

Side of kehlani

Twinery

Bontle

Pink shekhinah

Student of the 6 course, VI faculty for International Students, India

Destiny is not a matter of chance, it is a matter of choice, it is not the thing to be waited for it is the thing to be achieved. My name is Magapu Veera Venkata Akhil. I am from the land that is the home to a great diversity, cultures, languages, traditions, religions and beliefs: INDIA

I am going to complete my six year of medical journey in Ukraine. It not only gave me a good experienced life, but also turned me into a good human being with life values. I love to travel, meet new people, learn about the cultures and make new friends.

«Failures and difficulties don't come to destroy you, they come to help you realize your hidden inner potential. Let difficulties know that you too are difficult». This proverb made me to face all the challenges and be always motivated.

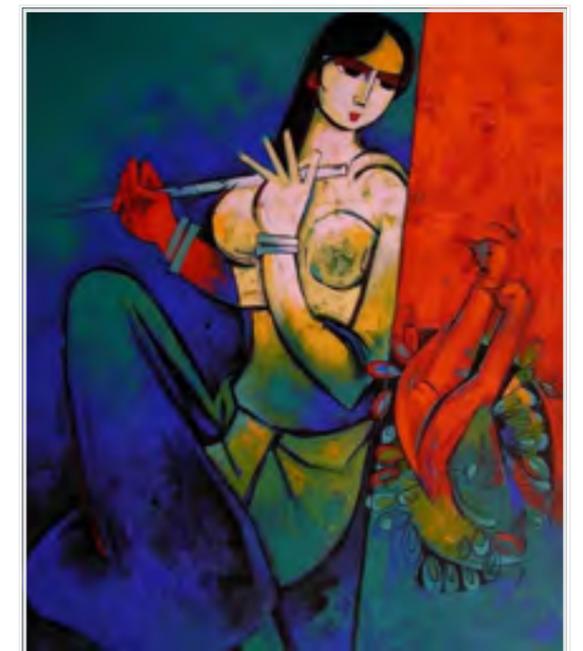
Magapu Veera Venkata Akhil

Lord Krishna

Tranquility

Melophiles

Romantic eve

Student of the 4 course, VII Faculty For International students. India

It's my pleasure to introduce myself. I am Malavika Rajesh, 4 th year medical student of Kharkiv National Medical University. Apart from my studies I usually spent my time for drawing, painting and traveling. As an artist I concentrate more on portrait, abstract, scenic and Indian traditional paintings like mural art.

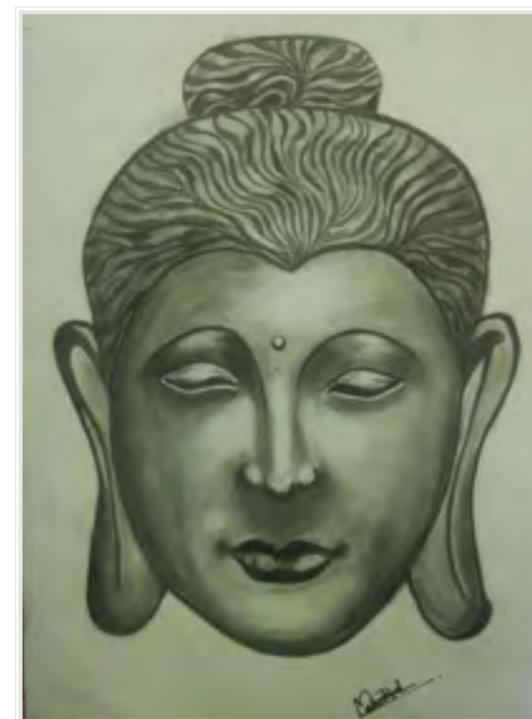
Malavika Rajesh

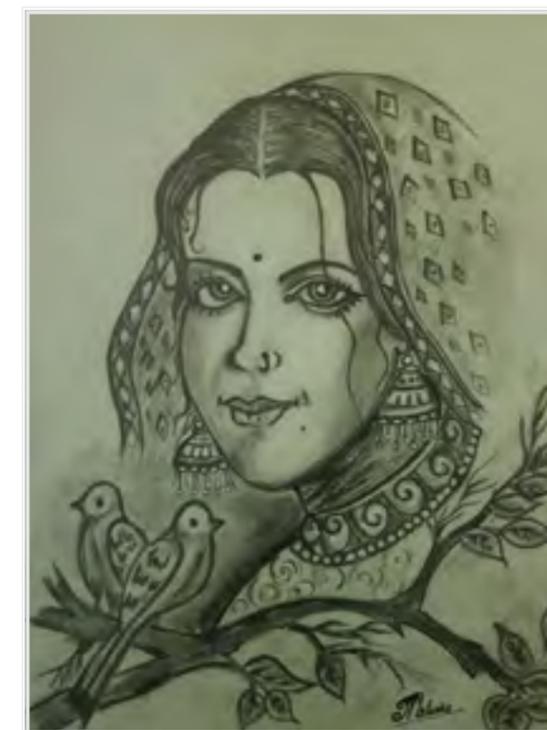
The harmony

Lord Buddha.Pencil drawing

Traditional Rajasthan girl.Pencil drawing

Dancing couple. Oil painting

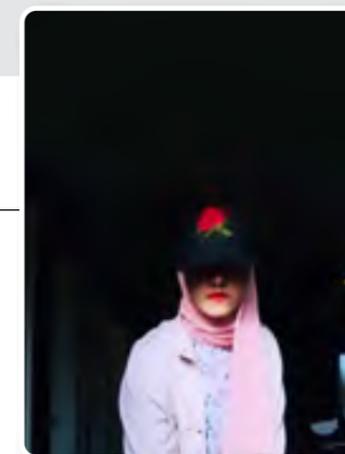

Sunset. Acrylic painting

Student of the 4 course, VI Faculty For International students. Egypt

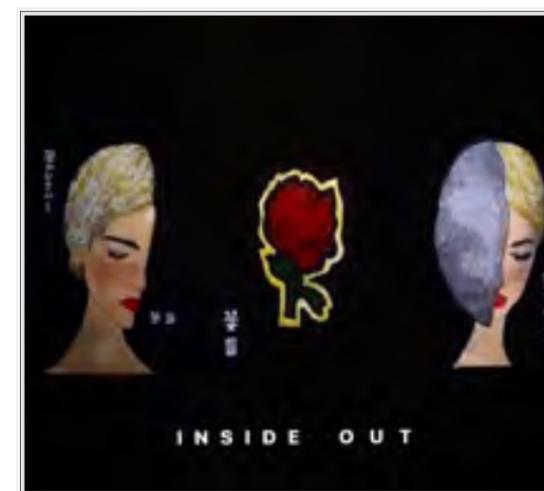
I write, illustrate and photograph what my black and white thought takes me to. It's all about putting all what is happening around on some papers because it's the only way I believe in, the only way to talk while remaining silent. Always believe.

Salma Sameh Saleh

flowers growing inside

inside out

what you fill your heart by, will react on you back

everything was clear but you choose not to see
out of suffer you will glow

I would trust in my own heart
heart mind war

Student of the 3 course, VI faculty for International Students. Palestine

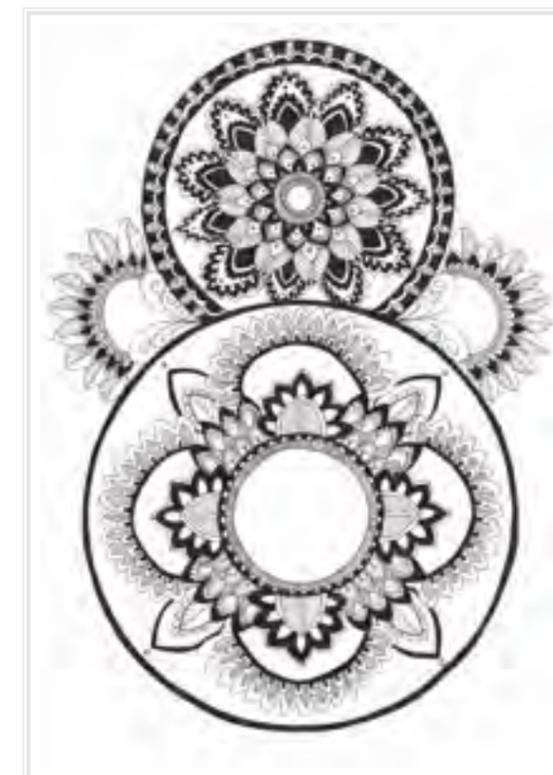
Dreamlike.
What is a dream?
Author Patrick Ness says, and I quote " Who is to say that it is not everything else that is the dream ?"
To me, "everything else" is Art, Music and Books.
Dreams you can create, hold within your hands and experience in your wake.
Never stop dreaming.

Thuraya Al-bhaisi

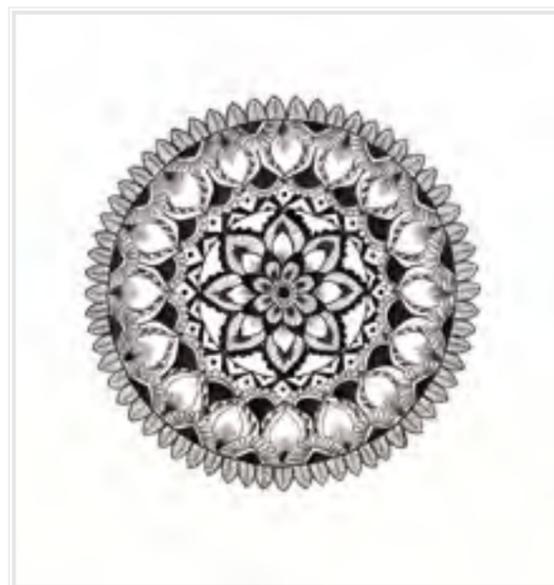
Rêveur

"ένας φίλος μου"

Enchant

Philocaly

Saor!

“ Le Buteleur ”

Student of the 3 course, VII faculty for International Students. India

I love to draw ...it's the best way to show your feelings without saying even a word ..

And I really enjoy capturing nature in a very compact way ...

So here are some art work and photos clicked by me.

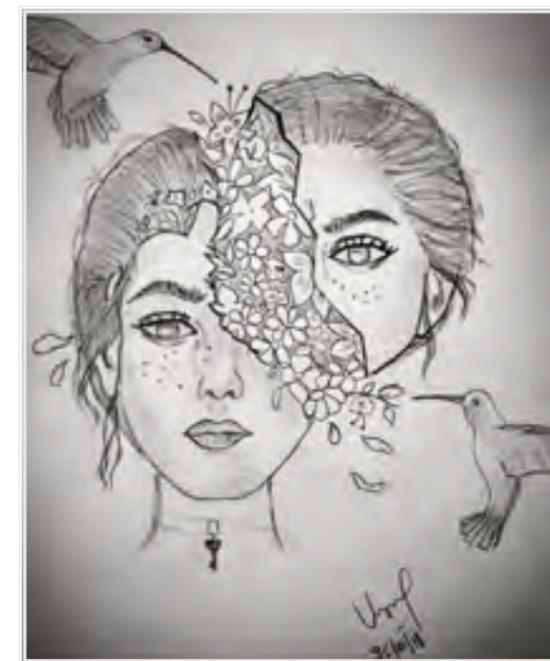
«Look deep into nature, and then you will understand everything better»

Spring

Dualism

Vishali Kanojia

Student of the 4 course, VII faculty for International Students. India

This is your reminder that you are going to become the person you have always wanted to become. You are on a journey right now, and while it may be messy and confusing and tough at times, this is your reminder that you are tougher.

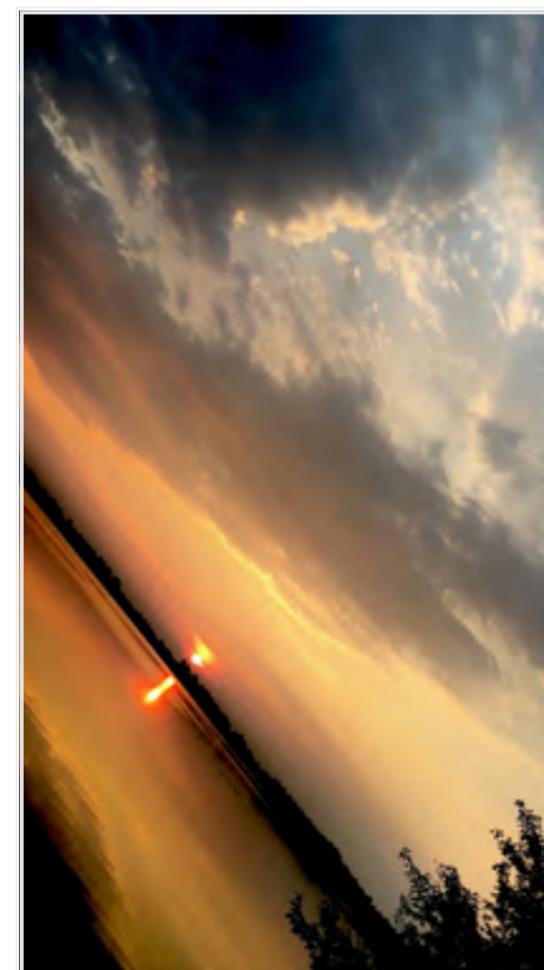
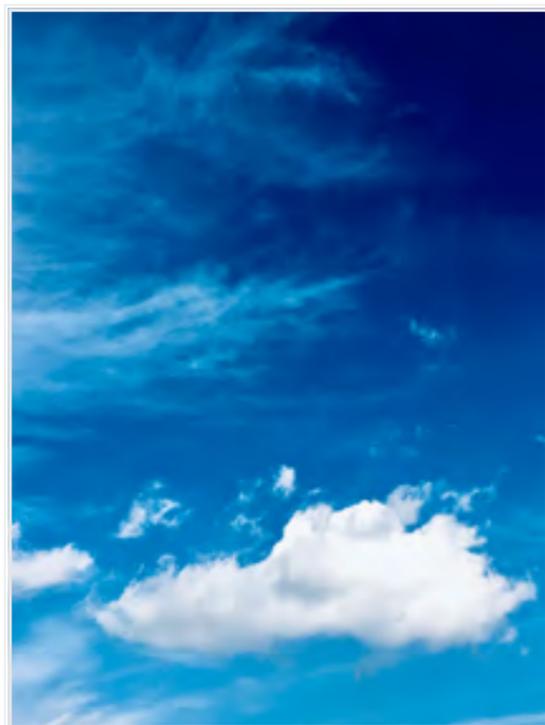
You are going to make your life- your own on your terms. You are going to be the person who never gave up, who kept fighting, who never backed down. But most of all, this is your reminder that you are going to do beautiful things- because you are a beautiful thing.

You have to keep hoping for it, you have to commit to it even on the days you question it, because it exists. Don't give up on it, don't give up. Keep believing in your potential. Keep creating yourself. Keep elbowing your way into this world. Just keep going, I promise that life is going to exceed your expectations — because you are going to exceed your expectations.

Soul in the sky 1

Soul in the sky

Sunset skies in my eyes

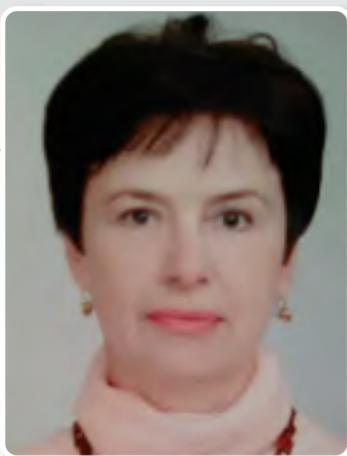

It poured.
It rained.
It seemed rejuvenated.
And the tree glimmered
Against the night light.
And as I looked
I suddenly remembered
that nothing lasts
forever.
Not clouds.
Not kingdoms.
Not rainstorms.

*Сьогодні.
Наша мрія*

Урина Бобина

Выпускница ХМИ, работала анестезиологом в ХНИОНХ, врачом-терапевтом в санатории-профилактории «Юрист» НЮУ им. Ярослава Мудрого.

Путешествие во времени

Перелистываю пожелтевшие старинные листы красивой бумаги с монограммами, испещренные мелким, врачом почерком, и постепенно погружаюсь в эпоху моего прадеда Владимира Павловича Бобина. Оказывается, это так увлекательно, что порой события столетней давности застилают наше реальное время. И кажется, вот выйдет уставший, внимательный врач с окладистой бородой и добрыми, всепонимающими глазами и спросит: «Что у вас, бабюшка или матушка, болит?» Ведь не зря жители Харькова начала 20-го века сравнивали доктора Бобина, как и доктора Франковского В.А., со знаменитым добрым доктором Ф.П. Гаазом, для которого не было «чужой» боли и «плохих» людей. «Піти до Бобіна» — это означало получить высококвалифицированную врачебную бесплатную помощь, в которой очень нуждались бедные люди.

Мне ясно и отчетливо представляется ежедневная работа простого врача-терапевта начала 20-го века. С раннего утра приходили больные, иногда приезжали из дальних деревень, ожидали начала приема в маленькой комнатке и в коридоре. Затем после приема ожидали получения лекарства, которое приготавливалось в аптеке. А ночью привозили больных, нуждающихся в экстренной медицинской помощи. В больнице жил постоянно фельдшер, а в комнате дежурной — акушерка. Ночью часто привозили рожениц, а также много было раненых

в драках и мертвецки пьяных. Я все это узнала из воспоминаний сына Владимира Павловича Бобина — Виктора.

Как живо и правдиво он передал атмосферу трудной, беспокойной, самоотверженной и такой интересной жизни врача! Он пишет: «Вход в нашу квартиру на улице Пушкинской, 14, находившейся в здании лечебницы, был отдельный и назывался «парадный», но через него никто не ходил. Проходили больные и посетители к отцу, да и мы сами, через аптеку лечебницы, где господствовал заведующий аптекой провизор М.Я.Штейнберг. Каждый день он приходил рано утром и уходил поздно вечером к себе домой на окраину города. Мне (Виктору) он казался добрым старым дедушкой-ворчунком, преданным всей душой своему делу, дорогой его сердцу больнице и связанным старой, прочной дружбой с моим отцом».

Жизнь в лечебнице была беспокойной, но атмосфера была очень демократичная. Вспоминает сын Виктор свои детские годы: «В 12 часов дня, когда приходили обедать младшие работники, мне, маленькому ребенку, разрешали садиться с ними за большой деревянный, окрашенный в зеленый цвет стол. Им приносили в большом котелке дымящийся мясной густой борщ, такой аппетитный и вкусно пахнущий! Меня также подзывали, усаживали за стол. Мне так нравилось деревянной ложкой хлебать из общего котла этот вкусный борщ, а затем и вторые блюда,

например, гречневую кашу с «вышкварками». Затем обедали не только служители больницы, но и Пастеровской, и бактериологической станций, и химико-микроскопического кабинета». Далее сын Виктор пишет в своих воспоминаниях: «Врачи уважительно относились к фельдшерам и младшему медицинскому персоналу. Фельдшера больницы имели возможность расти, им создавали условия, и они сдавали экзамены на аттестат зрелости в гимназии, а затем поступали на медицинский факультет Университета и становились врачами и даже профессорами (Пржевальский В.Г., Вольнский Ф.А.). В больнице постоянно шли хирургические, гинекологические и другие операции. Новейшие методики внедрялись в повседневную практику. Больница находилась в выгодном положении. Все необходимые анализы делали сотрудники химико-микроскопического и бактериологического институтов, и в необходимых случаях — с предельной скоростью».

Принимали и консультировали в лечебнице и знаменитые профессора Грубе В.Ф., Кудинцев И.В., Браунштейн Е.П., Подрез А.Г., Кузнецов А.Х., Светухин М.М. и многие другие, причем бесплатно. Эта помощь профессоров и преподавателей медицинского факультета Университета, их знания и опыт позволяли лечить бедных больных на высочайшем уровне, по последнему слову врачебной науки. Как говорил Владимир Павлович, «на моем пути я встретил людей, которым обязан всем тем, чего я теперь достиг. Во главе Общества стояли лица такого высокого ума, нравственной чистоты, которые служили нам примером, что мне, молодому врачу, не связанному никаким посторонним делом, не увлечься их примером и не отдаться всецело работе, было бы непростительно». Сам Владимир Павлович был талантливым клиницистом, вдумчивым врачом, которому были под силу сложные и запутанные случаи.

Сын Владимира Павловича Виктор вспоминает: «Отец так привык к своей роли, что малейший шум, стук в дверь лечебницы среди ночной тишины будил его, и он из своей спальни звонил в электрический звонок, будил спящего в больнице дежурного, звал к себе, делал распоряжения и в нужных случаях сам выходил, чтобы оказывать помощь больному или пострадавшему. Когда я (Виктор) подрос, отец разрешил мне помогать при экстренных случаях, а помощь часто была нужна, особенно ночью. А в 1905 году во время уличных боев в городе весь медицинский персонал лечебницы, а также профессора и преподаватели университета, в том числе В.П.Воробьев, оказывали помощь пострадавшим, а в амбулаторию доставляли раненых и шла заготовка перевязочного материала

из марли и повязки с Красным крестом. Мне (Виктору) тогда было 15 лет, и я дежурил всю ночь у раненого в грудь студента Миллера, который умер к утру. Я знал, что, когда в больнице кто-либо умирал, отец очень остро переживал это — делался мрачным и неразговорчивым».

Владимир Павлович Бобин окончил медицинский факультет Харьковского университета в 1881 году. А в январе 1885 года, проработав первые годы после окончания университета на кафедре общей патологии под руководством профессора И.Н. Оболенского, был избран врачом-распорядителем бесплатных лечебницы и больницы Харьковского медицинского общества имени Д.А. Донец-Захаржевского по улице Пушкинской, 14, деятельностью которых Владимир Павлович руководил более 40 лет.

А открылась лечебница много лет назад, в 1863 году, по инициативе прогрессивных представителей Харьковского медицинского общества и была старейшим учреждением ХМО. Напомню, что Харьковское медицинское общество было создано в 1861 году. Именно профессор Вильгельм Федорович Грубе внес предложение об учреждении медицинского общества и совместно со знаменитыми врачами В.А.Франковским и Г.С.Рындовским составил проект устава. Медицинское общество постоянно развивалось, в лечебницу ХМО поступало большое количество больных из беднейших слоев населения, которые лечились бесплатно. Многие врачи отдавали свои сбережения на благотворительные цели (профессор В.Ф.Грубе, В.А.Франковский, В.Г.Лашкевич, Л.А.Гиршман и другие), неравнодушные люди жертвовали наследства для устройства больниц. Одним из них был землевладелец Д.А.Донец-Захаржевский, который после своей смерти завещал свой капитал Медицинскому обществу для устройства бесплатных лечебницы и больницы. Благодаря этому в 1872 году лечебница обустроилась в собственном помещении на улице Пушкинской, 14.

В 1885 году, когда врачом-распорядителем лечебницы был избран В.П.Бобин, удалось открыть больницу на 6 коек. За первые 25 лет только лечебница — амбулатория приняла около 167 тысяч больных. С открытием больницы поток больных значительно увеличился, но, в основном, за счет «экстренных» случаев. В своем отчете за 1913 год Владимир Павлович писал: «Так называемые «экстренные» больные являются в лечебницу во всякое время дня и ночи, принимаются без очереди...»

Владимир Павлович Бобин «как настоящий часовой над людским горем, людским несчастьем» лично оказывал помощь больным и пострадавшим. Ведь он считал, что «врач — профессия круглосуточная». Именно он ввел ноч-

ные дежурства врачей и первым начал исполнять эти обязанности.

Время шло, строились новые учреждения ХМО, но надвигались тяжелые, грозные годы, годы испытаний и для врачей тоже. В больнице в период Первой мировой войны был организован лазарет для раненых, который был обустроен со всей возможной заботливостью, ведь заведовал им по-прежнему В.П.Бобин. А в период гражданской войны лечебница и больница, руководимая Владимиром Павловичем, принимали больных с брюшным и сыпным тифом. Там лечились и сотрудники Медицинского общества, и профессор, и врачи. Профессор-патологофизиолог Д.П. Гринев пробыл в бессознательном состоянии 10 дней, а затем выздоровел. «Сам Владимир Павлович, — пишет Виктор, — перенес сыпной тиф еще раньше, в 1907 году, с тяжкими осложнениями, а в эту эпидемию вынес на себе все трудности лечения больных, и никто из больных сыпным тифом не умер».

В голодные 1920-е годы Владимир Павлович отдавал все свои деньги на лекарства больным, когда видел бедную обстановку и невозможность купить лекарство в аптеке. О тех тяжелых временах вспоминает одноклассник Алексеев В.В.: «Приходит к Владимиру Павловичу пожилая больная женщина на прием. Он, выслушав, расспросил о болезни и материальном положении, написал рецепт, а затем вышел из своего кабинета и обращается к своей дочери-учительнице: «У тебя есть деньги? Дай этой женщине на лекарство...».

Как бережно относилась к отцу его дочь Вера! В трехлетнем возрасте (1896 год) Вера тяжело заболела дифтерией, она задыхалась, у нее была высокая температура. Одноклассник Владимира Павловича А.Е.Раковский сделал ей трахеотомию. К счастью, в это время харьковские врачи Н.А.Протопопов и Ю.Ю.Мотте побывали в Париже у Пастера и привезли в Харьков антидифтерийную сыворотку. Вере сыворотку ввели. Она выжила, выздоровела, но большой шрам на шее свидетельствовал о перенесенной ею операции. Еще с 1878 года врачи ХМО обратили внимание на то, что смертность от дифтерии равнялась 34.5%. Новая волна заболеваемости наблюдалась в 90-х годах 19-го века, когда и заболела маленькая Вера. Владимир Павлович видел страдания больных дифтерией детей и приложил много сил для расширения бактериологической станции и устройства помещений для приготовления антидифтерийной сыворотки. «Владимира Павловича почитали как одного из активных создателей экономической мощи ХМО. Массовое производство лечебных и профилактических вакцин и сывороток позволило «залить противодифтерийной сывороткой весь юг России и этим погасить

пламя дифтерийных эпидемий, а также спасти антирабическими прививками от ужасной, мучительной смерти тысячи укушенных» — так писал в 1925 году известный патологоанатом профессор Н.Ф.Мельников-Разведенков. В тесной связи с прививочным институтом находилось и другое учреждение Медицинского общества — Приют для укушенных, в котором только в 1911 году прививки были сделаны 3142 пациентам. Это давало Обществу немалый доход.

Владимир Павлович вел активную деятельность не только как врач, но и как общественный деятель. Можно долго перечислять, в каких комиссиях он был председателем или секретарем, как у него хватало сил и времени быть в течение многих лет врачом 3-й Харьковской гимназии, председателем Попечительского совета Александровской городской больницы, председателем строительной комиссии ХМО! На заседания Общества в небольшое здание по улице Пушкинской, 14 собиралось все больше и больше врачей, студентов и преподавателей медицинского факультета. К 1910-му году главной проблемой ХМО стала теснота помещений, отсутствие большого зала для заседаний врачей (к 1910 году в Харьковском медицинском обществе насчитывалось около 500 высококвалифицированных специалистов разных профилей), невозможность полноценно развернуть бактериологические и химико-микроскопические исследования, найти место для обучения врачей и для библиотеки.

Внимательно изучая ежегодные отчеты врача-распорядителя В.П.Бобина, хозяйственной и ревизионной комиссий, протоколы заседаний Правления ХМО, удивляюсь той преданности делу, стойкости и самоотверженности врачей, профессоров, которые прославили харьковскую медицину. У них не было особых комфортабельных условий ни для работы, ни для полноценного отдыха. Но они беззаветно служили на благо страждущих, были великими гуманистами и прекрасными врачами. И только к 1910 году, когда наметилась некоторая финансовая стабильность учреждений ХМО, назрела необходимость расширения и постройки нового, просторного здания. Выполнение сложнейшего проекта предложили академику А.Н.Бекетову, построившему к этому времени в Харькове 6 крупных общественных зданий, украсивших город. Во время строительства «Дворца Медицины» (ныне НИИ микробиологии и иммунологии имени И.И. Мечникова) все 93 заседания строительной комиссии проходили в квартире Владимира Павловича, ведь он был председателем строительной комиссии вместе с архитектором академиком А.Н.Бекетовым. Все тяготы постройки нового, прекрасного, грандиозного здания легли на их плечи.

Вся семья Бобиных была очарована умом, прекрасным доброжелательным характером выдающегося архитектора А.Н.Бекетова. Беседы, рассказы об античном мире настолько увлекли Веру, что она стала изучать латынь, греческий и другие языки, а также и древнюю историю, живопись разных эпох. В беспоконном 1917 году поехала учиться в Санкт-Петербург на Бестужевские курсы, которые окончила в 1919 г. Как волновались за повзрослевшую дочь отец Владимир Павлович и мать Стефанида Ивановна! Но самые большие тревоги родители пережили, когда непокорного сына Виктора (будущего доктора медицинских наук, профессора, основателя кафедры нормальной анатомии Крымского медицинского института) исключили из Харьковского университета и отправили под надзор полиции, а потом в 1914 году забрали в армию. Виктор затем был восстановлен и успешно окончил университет. Еще в студенчестве он стал помогать профессору В.П.Воробьеву в изготовлении уникальных анатомических препаратов для музея. В дальнейшем он прошел всю академическую подготовку как анатом под руководством профессора В.П.Воробьева. Многие часы он просиживал в лаборатории кафедры анатомии, препарируя тончайшие нервные сплетения на органах, в совершенстве изучил методы прижизненной окраски нервов метиленовой синью. В это же время он начинает детальное исследование иннервации мочево-

го пузыря, которое в дальнейшем завершилось докторской диссертацией — большой работой, являющейся плодом многолетнего упорного труда. Не было профессора более гуманного, участливого к студентам, к их полугодной послевоенной жизни в общежитиях, чем Виктор Владимирович Бобин. Всегда в кармане у него были деньги, которые он без счета раздавал нуждающимся студентам. А накормить голодного, помочь студенту решить неразрешимые проблемы было для него почетной задачей.

Рассматриваю фотографию военных лет времен эвакуации Крымского медицинского института в Кзыл-Орду. Выпуск 1943 года. Одни девушки и тощий, уставший, сгорбленный профессор Виктор Владимирович Бобин. На нем лежали все заботы по эвакуации, размещению и организации учебного процесса в нетопленных полуразрушенных помещениях. И только одна мысль не покидала его: «Как сделать учебу для студентов наиболее полной, несмотря на сокращенную программу? Все знания могут понадобиться на войне и спасти чью-то жизнь». Он вспоминал слова отца: «...врачебный труд есть тяжелый подвиг». Благородный пример Владимира Павловича стал той путеводной звездой в жизни моего деда Виктора и отца Владимира Викторовича Бобиных, которая направляла их по истинному пути служения людям и сделала их достойными памяти скромного врача. Врача с большой буквы.

Екатерина Бодня

Выпускница ХНМУ
Заведующая кафедрой ХМАПО, доктор
медицинских наук, профессор

Памяти родителей

Трудная, но счастливая жизнь...

Мои родители родились в 1923 году, поэтому школу окончили в 1940. Папа и мама окончили свои школы с золотыми медалями и похвальными грамотами.

Папа поступил в Одесский институт инженеров водного транспорта, где учился по июнь 1941 года. С началом Великой Отечественной войны был призван в ряды Красной Армии и вскоре стал курсантом Артдивизиона при Новочеркасском кавалерийском училище. В октябре и ноябре 1941 года вместе с училищем (курсантский полк) участвовал в боях на Южном фронте рядовым в минометном расчете.

По окончании училища в конце февраля 1942 года в звании лейтенанта был направлен на Западный фронт во 2-й Гвардейский кавалерийский корпус, где до ноября 1942 года командовал минометным взводом.

В ноябре 1942 года папе было присвоено звание старший лейтенант, а в конце ноября 1942 года под городом Ржевом папа был тяжело ранен.

Пройдя курс лечения в госпитале, в марте 1943 года вернулся во 2-й Гвардейский Померанский Краснознаменный и ордена Суворова кавалерийский корпус, в составе которого прошел с боями от Подмосковья, через Брянские и Смоленские леса, по земле Белоруссии, Западной Украины до границы с Польшей.

В сентябре 1943 года корпус прорвался в тыл немецких войск и, двигаясь глухими местными дорогами, отбивая вражеские контратаки, вышел к берегу Десны и форсировал ее. Этот удар по вражеским тылам сорвал план гитлеровского командования организовать оборону в райо-

не Брянска. Противник, бросив в бой сильную группу, пробовал улучшить свое положение. Но многочисленные атаки «штурмовых» и других дивизий, поддержанные «тиграми» и «пантерами», повторными бомбежками с воздуха, были отбиты, и ничто не смогло сломить мужества бойцов. Эта операция помогла нашим войскам выбить группу вражеских армий «Центр» из района Бежицы и Брянска и заставить отойти на Запад. Корпус за эту операцию был награжден орденом Красного Знамени.

С июля 1944 года папа участвовал в боях за освобождение Варшавы, в стремительном наступлении к Одеру, а затем в Берлинской операции и закончил войну на берегу реки Эльбы. Папе было всего 22 года.

Он редко вспоминал о своем пребывании на фронте и вот как однажды объяснил это в ответ на просьбу руководства институтского музея истории рассказать о своем военном прошлом. «Сражаясь в рядах этого славного соединения (имеется в виду кавалерийский корпус) и командуя минометной батареей, я принимал посильное участие в победных действиях наших войск в Великой Отечественной войне. Приходилось недосыпать ночей. Мерзнуть в окопах, но, преодолевая усталость, идти вперед! Идти под бомбежкой, артиллерийским и минометным обстрелом, под пулеметным дождем. Идти в дождь и зной, метель и холод. При этом личные подвиги на фоне всего, что выдержал и совершил наш народ в Великой Отечественной войне, являются такими маленькими, что вспоминать о них нескромно даже перед самим собой...»

За отличное выполнение боевых заданий командования на фронте, личную храбрость и меткий огонь батареи отец был награжден орденами Красного Знамени, Отечественной вой-

ны I и II степени, Красной Звезды и медалями — «За Победу над Германией», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина».

В книге С.Н. Севрюгова «Так это было...» (Москва, 1957) описан боевой путь 2-го Гвардейского Померанского Краснознаменного ордена Суворова кавалерийского корпуса, где упоминается командир минометной батареи Игорь Бодня.

Мама поступила в Московский институт химического машиностроения и в конце октября 1941 года вместе с институтом была эвакуирована в Туркмению в г. Чарджоу, откуда тоже добровольцем ушла в армию. Мама, как девушка в фильме «А зори здесь тихие...», прошла всю войну, служа в 34-й отдельной роте воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС) в составе войск Среднеазиатского военного округа.

С февраля 1944 года во время службы в ПВО, выполняя обязанности телефонно-телеграфного мастера, начальника наблюдательного пункта, старшего электромеханика, воевала в действующей армии на различных участках Юго-Западного фронта.

Во время Ялтинской конференции руководителей трех держав в 1945 году мама выполняла обязанности по охране воздушного пространства Крыма, а так как она отлично чертила, то маме доверили нанесение на карту дислокации войск, охраняющих конференцию. После Крыма вместе со своей 34-й воздушной ротой 85-й дивизии войск ПВО Юго-Западного фронта служила в г. Ченстохово (Польша), затем была направлена в 100-й отдельный батальон 86-й дивизии ПВО в г. Львов. За образцовое выполнение боевых заданий и мужество, проявленное при защите Родины, мама была награждена боевым орденом Отечественной войны II степени и 11 медалями.

Демобилизовалась она в июне 1945 года и сразу отослала документы для поступления в Харьковский медицинский институт. Тогда для тех, кто окончил школу с золотыми медалями, поступление в институт было без экзаменов и вне конкурса. Можно было просто отправить документы и ждать вызова.

Папа был демобилизован из рядов Советской Армии в 1948 году. В Харьков ехала его старшая сестра и предложила отвезти документы в какой-нибудь институт. Папа согласился, и Лидия Федоровна на свое усмотрение отдала документы в Харьковский медицинский институт.

Так мои родители стали харьковчанами, учились в институте и окончили его с отличием, мама была даже Сталинской стипендиаткой. Жили во время учебы в общежитии на улице Веснина, где их и познакомил на институтском вечере Александр Михайлович Шкиль. После окончания института с отличием в 1954 году папа выбрал специализацию в субординатуре

на кафедре рентгенологии Харьковского медицинского института, где прошел путь до доцента, заведующего кафедрой рентгенологии и радиологии.

Мама после окончания института с отличием была направлена на работу в Харьковский НИИ неврологии и психиатрии, защитила кандидатскую диссертацию. С 1961 года до выхода на пенсию работала на должности старшего научного сотрудника НИИ медицинской радиологии имени профессора С.П. Григорьева. Александрой Федоровной написано более ста научных трудов, мама была награждена медалями «За доблестный труд» и «Ветеран труда».

Родители поженились, и я, уже настоящая харьковчанка, родилась в Харькове и очень его люблю. Родители для меня самые близкие люди, самые дорогие мои учителя. Меня не принуждали идти в медицину, но так сложилось. И я уже много лет работаю в Харьковской медицинской академии последиplomного образования.

И мой сын сам выбрал Харьковский медицинский институт — теперь Харьковский национальный медицинский университет, успешно защитил кандидатскую диссертацию, работает на кафедре инфекционных болезней.

Мои родители прожили трудную, но, я надеюсь, счастливую жизнь. Отношения в семье — это всегда были отношения доверия и любви. Чувство защищенности, надежности, любви всегда поддерживало меня.

Утрата близких невосполнима, но время приглушает боль. Воспоминания помогают жить дальше. Когда я была маленькой, папа часто читал мне стихи М.Ю. Лермонтова «Воздушный корабль» и «Мцыри» — это были его любимые стихи. Но было стихотворение, которое написал Владимир Корнилов, «Дочка». Оно было напечатано в газете и хранится до сих пор. Это стихотворение папа мне часто читал в детстве.

Катюха, Катька, Катенька!
Для няньки ты — «холера».
Для бабушки ты — каторга.
Для матери — галера.
А для меня ты дочка,
Осколочек иогня.
А в будущем — все то, что
Не выйдет из меня.
Но вот пока, покуда,
Дожив до двух годов,
Ты носишься, как чудо,
И верить я готов,
Что солнце, втихомолочку
Покинув небеса,
Вдруг займело челочку
И серые глаза.

Эту маленькую вырезку из газеты много лет хранила моя мама. Теперь, как память о родителях, она хранится у меня.

Виктория Бязрова

Воспоминания об отце

Военные годы оказали огромное влияние на формирование его характера и профессиональных качеств врача. В мае 1941 г., будучи старшекурсником ХМИ, он проявил желание стать военным врачом и продолжил обучение в Саратове. Таким образом, уже к концу первого года войны, попав в досрочный выпуск, он служил военврачом третьего ранга на Северо-Западном фронте. В условиях боевых действий накапливался огромный тактический и врачебный опыт... Когда старательно оберегаешь других, самому труднее уберечься. Так командир санвзвода был ранен. После лечения в госпитале — снова фронт, теперь Калининский. Здесь уже начальник медслужбы полка Почепцов В.Г. внедряет принципы оказания медицинской помощи раненым на стыке «санвзвод — рота» в условиях наступательного боя. Теперь уже опытный фронтовой врач вносит элементы нового в общепринятую тогда санитарную тактику: внедряет эшелонирование санитарной роты в нескольких пунктах по пути продвижения полка. В очередном бою он снова получил серьезное ранение.

И снова госпиталь, откуда после тяжёлого ранения отца направили старшим врачом в запасной танковый полк. Это уже был год освобождения Харькова от фашистских захватчиков. За боевые заслуги он был награжден орденами и медалями. После окончания родного института работал участковым врачом поликлиники. Здесь он доказывал характер врача на твердость, а знание и опыт на компетентность. Он и после войны продолжал воевать с самими болезнями, с неправильными представлениями о тех или иных заболеваниях. Его высокая врачебная ком-

Кандидат медицинских наук, доцент кафедры внутренних и профессиональных болезней

К сожалению, нельзя остановить ход времени — с каждым годом число участников Великой Отечественной войны становится все меньше и меньше. В живых остались немногие, и скоро наши дети смогут узнать о подвиге поколения наших дедушек и бабушек только из наших рассказов и уроков истории. Поэтому я хочу рассказать о своем отце, ветеране Великой Отечественной войны, Почепцове Валентине Георгиевиче.

петентность и профессиональное мастерство были замечены, он был приглашен в клиническую ординатуру ХМИ по терапии.

В дальнейшем вся трудовая деятельность отца была связана с родным для него Харьковским медицинским институтом. Его самоотверженная работа, талант, знания помогли вернуть здоровье и спасти жизнь тысячам людей. В стенах Харьковского медицинского института Валентин Георгиевич прошел путь от клинического ординатора до заведующего кафедрой факультетской терапии и был им не один десяток лет. Одним из первых он был удостоен звания «Заслуженный работник Высшей школы», создал свою терапевтическую школу, подготовив более полусотни кандидатов и докторов медицинских наук, которые достойно представляют Харьковскую медицину не только в Украине, но и за ее пределами.

Он был человеком невероятной доброты, акцентированным оптимистом без какого-либо налета скепсиса. Чувство юмора не покидало его всю жизнь. Вспоминаю его письменный стол: какие-то бумаги, стопки книг. Здесь труды по медицине и любимый им И. Бунин; закладка между страниц одной из книг, читаемой на ночь. Издавна знакомое чувство ауры его книг, не только лежащих на столе, но и тех, что стояли на книжных полках, как осколок чего-то давнего и родного, всегда со мной.

Всё дальше и дальше уходят в прошлое события той войны. И уходят Люди, вершившие эту победу. А вместе с ними уходит и память. Память человеческая. Я не ошиблась, написав слово «Люди» с большой буквы. Я думаю, по-другому нельзя. Этот альманах Харьковского национального медицинского университета можно назвать уникальным: он бесценен тем, что здесь собраны и сохраняются для следующих поколений воспоминания о его сотрудниках — участниках Великой Отечественной войны.

Выпускница ХМИ
Врач-кардиолог высшей
квалификационной категории ООО
«Медицинский центр здоровья», доктор
медицинских наук, старший научный
сотрудник

Время как будто не идет, а с самой невероятной скоростью проносится в вихре событий. И вот уже 13 лет как ушел от нас навсегда мой отец Бондаренко Иван Павлович — Человек доброй души и горячего сердца, врач опытный, знающий и мудрый, внимательный сын своих родителей, любящий муж, прекрасный отец и заботливый дедушка. О таких говорят: «золотой был человек»...

Ирина Ермакович

Слово об отце

Нелегкий жизненный путь выпал моему отцу. Родился он 12 ноября 1924 года в сельской глубинке — с. Мороча на Сумщине. В детстве чудом выжил в годы жесточайшего Голодомора, унесшего миллионы человеческих жизней в Украине.

Выпускной бал в школе и вручение аттестата зрелости совпали для семнадцатилетнего парня с началом войны. Всегда отец помнил своих школьных учителей, навещал их, помогал материально. А тогда молодым юношей он ушел на фронт. В полковой автошколе получил специальность водителя и был направлен в отдельную противотанковую артиллерийскую бригаду. Брал участие в кровопролитных боях в Белоруссии — в освобождении Минска, Бобруйска, Бреста. В одном из боев был ранен. Освобождал Польшу. Дошел до Берлина. За боевые заслуги отец был награжден орденом «Славы III степени», медалями «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией».

Мама его, простая сельская женщина, человек глубоко верующий, «вымолила» его у Бога. Вернулся он с фронта с ранениями, и, какое счастье, живой! А вот старшего, горячо любимого брата, он потерял — умер от ран...

Как ни тяжело было родителям в селе, они отправили своего единственного кормильца «учиться в Харьков на врача». И мой папа в старенькой, поношенной шинели, сел за студенческую скамью. Учился упорно, самозабвенно, чтобы быть отличным врачом. Во время учебы в Харьковском медицинском институте, с пятого курса, он был призван на Военный факультет. Не очень хотелось ему снова носить погоны, ведь только вернулся к мирной жизни. Обратился к ректору и услышал резкое: «Иван, а кто будет Родину защищать?». И направился отец лейтенантом в Забайкальский военный округ — в далекий сибирский город Читу. К этому времени он уже был человек семейный. Верной спутницей его была моя мама — тогда молодой педиатр Бондаренко Мария Владимировна. В Чите, в тяжелейших бытовых условиях, они вместе радовались рождению первенца-сына.

Немало лет пришлось поработать, прежде чем отец приблизился к своей заветной мечте — медицинской науке. В 1959 г. он поступил в аспирантуру при Харьковском медицинском институте. Успешно защитил кандидатскую диссертацию. И снова партия сказала: «Надо!» Отца направляют на работу в Монгольскую Народную

Республику, с женой и уже двумя детьми. Здесь отметили его высочайший профессионализм и назначили личным врачом Генерального секретаря Монгольской народно-революционной партии Ю. Цеденбала.

Нелегкая это была служба! Бессонные ночи, постоянные командировки, за сотни километров от семьи, по бездорожью в Монголии — летом в зной, зимой — в сорокаградусный мороз. За самоотверженный труд отец был награжден высокой правительственной наградой — орденом «Полярной звезды». Монгольские коллеги в знак уважения подарили отцу национальный наряд «дели», народный струнный музыкальный инструмент, под который отец научился петь монгольские песни, чем заслужил еще больший авторитет среди монгольских специалистов. Не хотели отпускать его, уговаривали остаться, но в Украине его ждали родители, которые нуждались в уходе. Доживали и умирали они, уже в преклонном возрасте, на заботливых руках сына.

Отец продолжил работу в Харьковском медицинском институте ассистентом, затем доцентом кафедры терапии. Защитил в 1978 году докторскую диссертацию, стал профессором и заведующим кафедрой.

Всю жизнь отец был благодарен своим учителям — профессорам С.Я. Штейнбергу и А.А. Дубинскому. В свою очередь Иван Павлович всегда был отличным наставником для студентов, молодых врачей, научных сотрудников. Как А.В. Суворов, он учил их «словом, делом и личным примером». Прививал любовь к специальности, терпеливо передавал профессиональные знания и богатый клинический опыт. Когда молодые ученые, аспиранты испытывали вполне естественные трудности в работе над диссертацией (а такие проблемы были и у его уже взрослых детей), Иван Павлович любил повторять слова К.Маркса: «В науке нет широкой столбовой дороги и только тот достигнет её сияющих вершин, кто, не страшась усталости, карабкается по её каменистым тропам».

Жить для отца — значило работать. В пенсионном возрасте по приглашению академика Любви Трофимовны Малой Иван Павлович

приступил к работе врачом — консультантом в Институте терапии АМН Украины. Уважение коллег, заслуженное признание опыта, искренняя благодарность пациентов давали отцу новые запасы энергии, повышали работоспособность, приносили удовольствие от работы в Институте, которому он служил почти 20 лет.

Я горжусь своим отцом — Человеком честным, интеллигентным, порядочным, добрым и, вместе с тем, принципиальным и требовательным.

Именно он положил начало династии врачей в нашей большой семье. Благодаря ему дети и внуки пришли к выбору профессии. Дети стали специалистами высшей квалификационной категории по специальности «Кардиология», сын — кандидатом медицинских наук, дочь — доктором медицинских наук. Внуки успешно работают в медицинской отрасли в Харькове и Киеве. Сегодня его, кроме 4 внуков, радовали бы еще и 8 правнуков...

Очень тяжело переживал отец за судьбу Советского Союза — в 1991 году некогда могучая держава прекратила свое существование. Отец перенес тогда свой первый инфаркт миокарда. Безгранично любил Украину, её культуру, поэзию, литературу, гордился тем, что он — украинец. Знал много украинских песен и прекрасно исполнял их. Его любимая «сорочка вишивана біла» хранится у нас в доме.

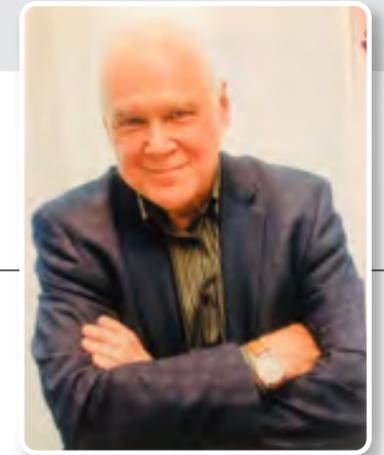
Был отец оптимистом и большим жизнелюбом, искренне верил в прекрасное будущее независимой Украины. Ведь его Родина того достойна — её земля густо полита кровью и потом миллионов соотечественников! Учил не придавать значения мелким житейским трудностям, главное, считал он, — это мир, мирное небо. Только сейчас мы стали по-настоящему понимать значение и глубину этих, казалось бы, простых слов. Счастлива, что рядом со мной девятилетняя мама, тоже участница Великой Отечественной войны, и она может еще многое рассказать нашим детям и внукам.

Хочется верить, что близкие люди, ушедшие от нас навсегда, видят нас, оценивают наши поступки, а может быть, и помогают нам. Жизнь продолжается, но только по-другому.

Доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой оториноларингологии Харьковского национального медицинского университета, действительный член Международной Академии Оториноларингологии - Хирургия Головы и Шеи

Выражаю особую благодарность Людмиле Владимировне Богач за помощь и редактирование этой работы

Анатолий Журавлев

Учитель и Ученик

Ты знаешь, читатель, живя на этом свете уже не один десяток лет, захотелось поделиться с тобой некоторыми мыслями. Прежде всего обращаюсь на «ты», потому что сейчас ты один читаешь эти строки. И это лишь наш с тобой разговор. У меня как-то устроены мозги, что более-менее хорошие мысли приходят рано утром, когда просыпаюсь. И вот несколько лет назад мне вдруг захотелось положить на бумагу какие-то свои мысли об Учителе и Ученике. Затем эти заметки лежали очень долго в столе. Периодически я о них вспоминал и говорил себе, что это мой долг, мое не сделанное. И, почувствовав внутреннее воодушевление, сказал себе: «Сейчас я это сделаю!»

И еще об одном. Как ты, читатель, заметил, и в названии эссе, и в последующем с большой буквы я пишу не только об Учителе, но и об Ученике. Думаю, что ученики тоже этого заслуживают.

Ну, что же! Видимо, надо начать с того, что взаимоотношения Учителя и Ученика актуальны не только в медицине, но и во всех других областях деятельности человека, особенно человека думающего! Думающего о своем прошлом, настоящем и будущем.

И теперь возвращаемся от общего к нашей родной медицине. Прежде всего, следует вспомнить клятву Гиппократова. Только не ту, которую

произносят студенты по окончании университета, и не ту, которая предложена еще в далекие советские времена. Я прочитал клятву Гиппократова, изложенную в первоисточнике. Там сказано следующее: «Считать научившего меня врачебному искусству наравне с моими родителями, делиться с ним своими недостатками и в случае надобности помогать ему в его нуждах; его потомство считать своими братьями. Это искусство, если они захотят его изучать, преподавать им безвозмездно и без всякого договора; наставления, устные уроки и все остальное в учении сообщать своим сыновьям, сыновьям своего учителя и ученикам, связанным обязательством и клятвой по закону медицинскому, но никакому другому». То есть ты должен (и, я думаю, должен хотеть!) уважать своего Учителя, как своих родителей, как своих самых близких людей. И это уважение, даже преклонение, должно распространяться не только на Учителя, но и на его детей. И лишь так ты сможешь доказать, что ты настоящий Ученик.

Так что же такое настоящий Ученик? И что такое настоящий Учитель? Ведь одного без другого не бывает! И как стать настоящим Учителем или Учеником? Думаю, это очень длительный процесс! Процесс, за которым стоит работа души, тяжелые раздумья и сомнения. Причем это и обоюдный, двунаправленный

процесс, когда в результате этих раздумий Ученик выбирает себе Учителя, а Учитель выбирает себе Ученика. Каждый из этих лиц внутренне, подсознательно предъявляет к противоположному определенные требования, условия. Ученик хочет видеть в своем Учителе авторитетную личность, уважаемую всем сообществом, отечественными и зарубежными коллегами. Он должен чувствовать в своем Учителе защитника. И, наверное, самое главное: Ученик рассчитывает, что Учитель оставит в будущем Ученику свою должность, место заведующего кафедрой со всеми вытекающими привилегиями и преимуществами.

С другой стороны, Учитель очень трепетно, с большой осторожностью относится к выбору Ученика. Ведь Ученик должен соответствовать многим человеческим и профессиональным качествам. И, думаю, больше качеств человеческим. По определению авторитетного профессора-оториноларинголога Сергея Борисовича Безшапочного, Ученик является «могилокопателям» и «гробовщиком» для своего Учителя. Поэтому Ученик должен быть психологически совместим с Учителем, глубоко уважать его независимо от того, занимает Учитель какую-то должность или нет!

Думая о своих «ученических» годах, вспоминаю многие случаи. В начале своей врачебной деятельности, работая в ЛОР-отделении областной клинической больницы города Иркутска, я допустил грубую ошибку. Глубокой ночью медсестра будит меня и приглашает к больному, у которого имелся выраженный острый гнойный гайморит. Я был еще сонным, не собрал тщательно анамнез и сразу предложил больному провести пункцию верхнечелюстной пазухи. После получения согласия и проведения пункции почувствовал, что-то не так. С ужасом понял: пункционной иглой прошел через всю пазуху, заполненную гноем, и проткнул латеральную стенку синуса. Уже без капли сонливости выяснил у больного, что в прошлом он перенес гайморитомию и у него, соответственно, отсутствовала костная медиальная стенка пазухи. В последующем у больного развился абсцесс в подскуловой области, потребовавший хирургического вскрытия челюстно-лицевыми хирургами. О моей ошибке узнал выдающийся хирург, врач-оториноларинголог, профессор, заведующий кафедрой оториноларингологии Иркутского медицинского института Анатолий Григорьевич Шантуров, который сказал: «Это случай из практики. Но это случай и для учебы. Врач, допустивший эту ошибку, должен сделать доклад на заседании научного общества». Знаешь, прошло уже 35 лет после этого инцидента. Но я до сих пор помню, как волновался при подготовке доклада и когда выступал. Помню,

в каком галстук был профессор, каждое его слово, как шло обсуждение. И сейчас, когда уже сам читаю лекции студентам, привожу им этот пример. Думаю, в этой ситуации Анатолий Григорьевич Шантуров поступил как настоящий Учитель. Ведь если бы я, по его настоянию, не сделал этот доклад, то моя досадная ошибка не врезалась бы мне так остро в память. И мои студенты были бы лишены поучительного примера из практики. Спасибо Вам, Анатолий Григорьевич, за первые уроки профессионализма и человечности! Спасибо от меня и от моих студентов-будущих врачей!

Шло время. Я работал врачом-оториноларингологом во многих лечебных учреждениях нашей страны и за рубежом. Успел защитить кандидатскую диссертацию. А затем докторскую, которую мне пришлось защищать дважды. Первую защищал еще в едином государстве, а вторую уже в независимой Украине. И моя судьба в дальнейшем на долгие годы связалась с Харьковским медицинским институтом (а затем университетом). Здесь моим Учителем стал заведующий кафедрой оториноларингологии, доктор медицинских наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники Украины Виктор Фомич Филатов. Но, должен сказать, процесс становления меня как Ученика такого Учителя был долгим и достаточно трудным. В.Ф. Филатов часто бранил меня. Откровенно говоря, заслуженно, но бывало (с моей точки зрения) и не совсем. Наверное, Виктор Фомич присматривался ко мне, как к человеку, как профессионалу. Иногда даже, думаю, испытывал меня на прочность. Вспоминаю такой случай. Как-то Виктор Фомич говорит: «Завтра приезжает в гости мой большой друг и уважаемый человек — Владимир Тимофеевич Пальчун. Мы должны его встретить на высоком уровне». В то время В.Т. Пальчун заведовал кафедрой оториноларингологии во II Московском медицинском институте и имел огромный вес в ВАКе да и во всем Советском Союзе. Конечно, я сделал все, что мне сказал Учитель. Виктор Фомич очень тепло встретился с Владимиром Тимофеевичем. И я смог познакомиться с таким большим ученым! Весь день мы провели на заседаниях, встречах, а потом продолжили общение уже в неформальной обстановке. И для меня было большое удовольствие и честь быть целый день рядом с ними. Я имел возможность беседовать, а в последующем и звонить на работу и домой такому человеку — Владимиру Тимофеевичу Пальчуну! И это случилось благодаря моему Учителю. Очень поздно привез их в отель. Они были в хорошем настроении и чувство времени было потеряно. Виктор Фомич попросил подождать у гостиницы, пока он проводит гостя. Проводы затянулись. В это вре-

мя мне позвонила жена и со слезами в голосе сказала, что наша дочь серьезно заболела. Врачи скорой помощи осматривали ее несколько раз на протяжении дня. Они установили, что у дочери тяжелая двусторонняя пневмония и ее срочно нужно госпитализировать. Жена просила, умоляла меня срочно приехать и ей помочь. Но ведь я был занят с моим Учителем! Ведь он сказал мне быть здесь и ждать его! И я не смог уехать от гостиницы, не смог позвонить Виктору Фомичу и объяснить ситуацию. Я ждал! Мое ожидание растянулось на долгих полтора часа. Лишь глубокой ночью, когда я довез Учителя домой и освободился, мы госпитализировали дочь. До сих пор не знаю правильно тогда поступил или нет. Как ты думаешь, читатель?

Вообще, мне кажется, я был неплохим учеником. Много путешествуя с Виктором Фомичем, я слушал его суждения и мысли по многим вопросам, касающимся оториноларингологии. Но Учитель со мной делился и мыслями, которые касались обычных жизненных ситуаций. Он рассказывал о людях, которых мы встречали и с которыми общались. Благодаря ему я узнал многих выдающихся ученых — оториноларингологов.

Виктор Фомич познакомил меня с уникальной личностью — профессором Мариусом Стефановичем Плужниковым. Виктор Фомич Филатов являлся действительным членом Международной Академии Оториноларингологии — Хирургия Головы и Шеи, которая была создана Мариусом Стефановичем. В последующем и я стал членом этой Академии. И опять за это я глубоко признателен и моему Учителю, и Мариусу Стефановичу. У Мариуса Стефановича Плужникова я увидел с каким уважением, интеллигентностью нужно относиться к окружающим тебя людям. Особенно к тем, кто стоит ниже тебя на служебной или социальной лестнице.

А как важно Учителю передать дело своей жизни Ученику. Свое детище, свою работу. С радостью, без тени страха! Но нужно воспитать такого Ученика! А Ученик, прежде всего, будет глубоко благодарен Учителю за то, что им уже сделано и отдано. И настоящий Ученик никогда не обидит Учителя, не отправит его на пенсию раньше желания Учителя. У меня сложились взаимоотношения с Учителем таким образом, что я стал крестным отцом для внука Виктора

Фомича. И такие теплые, уже не формальные отношения между мной и членами семьи Учителя сохранились на долгие годы. Их я поддерживаю и в настоящее время, когда Учителя уже нет с нами.

Начав заведовать кафедрой оториноларингологии Харьковского национального медицинского университета, я захотел, прежде всего, сказать и напомнить о своем Учителе. Заявить всем, что я ученик своего Учителя. Первое значительное решение на этом посту состоялось в следующем. Я попросил академика Анатолия Яковлевича Цыганенко, который тогда руководил университетом, провести через Ученый совет решение о присвоении кафедре оториноларингологии имени Виктора Фомича Филатова. Мы также назвали его именем аудиторию, в которой он тридцать лет читал лекции. И эти лекции в этой аудитории слушал и я. И сейчас, читая лекции студентам в этой же аудитории, рассказываю о своем Учителе, говорю на каком месте сидел и слушал его. На студентов это производит впечатление, вызывает живой интерес.

Одно из последующих решений, которые мы приняли на кафедре — ежегодно, в годовщину смерти Учителя ездить на кладбище и возлагать цветы на его могилу. И всегда мы заезжали к Учителям нашего Учителя и к основателю нашей кафедры профессору Степану Гавриловичу Сурукчи. Каждый раз это было событие для всего коллектива. Арендовались микроавтобусы, покупались цветы. На могилах мы говорили об ушедших. Вспоминали моменты, которые связывают с Учителями. Но с течением времени людей, которые хотели бы поехать к Учителям, становится все меньше. Находятся неотложные дела. «Вдруг» не хватает денег на цветы. И в последний год я ездил на могилы уже один с моим другом — не медиком. Но он настоящий друг и знал всех наших Учителей. Мы походили по кладбищу, вспоминая всех ушедших от нас. И на душе стало светло и хорошо.

Ты знаешь, читатель, чем долгие живу, тем более ясно начинаю понимать особенно в последнее время, как же мне повезло в жизни! Я встречался с такими интересными, выдающимися людьми! И у каждого учился чему-то. Теперь я могу передать что-то свое моему Ученику. И это, наверное, и есть счастье!

А что ты думаешь об этом, читатель?

Николай Касьян

Випускник ХМІ. Заслужений лікар України, Народний лікар СРСР, родоначальник мануальної терапії в СРСР та Україні, підполковник медичної служби запасу, меценат.

Майже все життя працював лікарем Ліщинівського психоневрологічного будинку-інтернату Кобеляцького району Полтавської області.

Його ім'я було занесено в Книгу рекордів Гіннеса 1993 року за те, що протягом 1990 року він вправив хребетні диски 41 тисячі 251 хворому, серед яких 19 тисяч 359 дітей (вставляв по 172 диски за день).

Горлицею ти мені наснилась
В дні минулі і в ночі сьогодні.
Пролетіла мимо й загубилась
Десь у небі, в голубій безодні.

Горлицею... А чому і звідки?
Не збагну цього я і не знаю...
Чи тому, що в Галичі нерідко
Горлиці над хатами літають?

Чи тому, що горлиця — це пташка
Трохи горда, часто — сумовита?
Чи тому, що серцем дуже важко
Горлицю — царівну полонити?

Сам не знаю, що зі мною сталося,
Бо ж зовсім спокою вже не знаю.
Недарма всі в Галичі дізнались,
Що тебе я, горличко, кохаю.

Хай про тебе думають, що хочуть,
Хай говорять, що сім'ю розбила.
Я нічого в світі не захочу,
Лиш би ти була зі мною, мила.

Я нічого в світі не захочу,
Твій би подих поруч відчувати,
Цілувати твої глибокі очі
І завжди тобою милуватись.

То ж повір в моє кохання, любя,
І послухай — серце як забилось...
...Я тебе, хороша, приголублю,
Щоб мені ти горлицею снилась.

1970 р.

ВІМ'Я ЛЮДИНИ

Хірургу, професору, моему учителю
О. Шалімову присвячую

Останні шви накладає хірург:
— Людина жити буде! Серце діє!..
А на обличчі кілька світлих смуг
Від втоми. Посміхнувся, хірург радіє.

Хіба не радість — врятувати життя,
Вернуть людині юність літ упертих,
Живого серця відчувати биття,
Врятованого вже на грані смерті?

І він, хірург, зборов цю грізну смерть,
Хоча вже бачив, як юначе тіло
Сповнялося пекучим болем вщерть,
Як серце зупинилося, німіло.

Нехай юнак не сяде за руля,
Вести не буде з вітерцем машину.
Та серце ж б'ється, мрії окриля:
Дороги всі відкриті для Людини!

— Нічого любий. Трохи поболить.
Ось видужаєш і знайдеться праця...
...Пішов хірург, бо треба руки мить,
Готувитись до нових операцій...

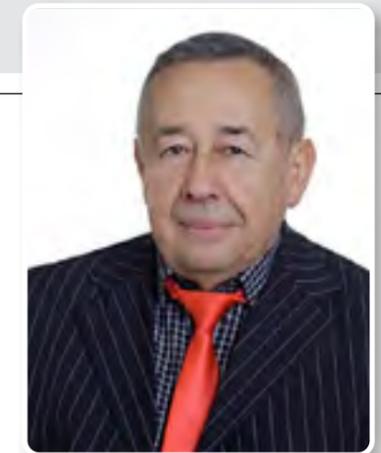
Юнак живе. Він буде довго жити!
Йому життя вернула медицина.
А губи шепчуть: «Буду теж служити,
В ім'я Вітчизни, Миру і Людини!»

1960 р.

Доцент кафедри дetskої хірургії
и дetskої анестезіології, кандидат
медичних наук

Памяти матери

Вячеслав Лапшин

Доктор Ирина

Доктор Ирина Кузьминична Цехмистро, моя мама, отдала медицинской деятельности сорок лет. Она немного стеснялась своего не слишком благозвучного отчества, любила когда ее называли по имени. Ирина родилась в Чугуеве в 1922 году, здесь с отличием окончила школу. Помню ее рассказы о школьных годах, о жизненном укладе в довоенном городе, о школьных проказах, первых поклонниках. Среди них был известный в будущем поэт Борис Чичибабин. Они учились в одном классе, будущий классик тогда носил фамилию Полушин и звался просто Боря. Уже в школьные годы проявлялся его поэтический талант, он писал стихи на злобу дня, эпиграммы на соучеников, был к Ирине неравнодушен, ведь она слыла первой красавицей: «Красавица города Ира Цехмистро тревожит мое естество». Помню, что друзьям нравилась его сентенция: «Судьба играет с человеком, а человек играет на трубе».

В последний предвоенный год Ирина поступила в Харьковский медицинский институт, окончила первый курс. Дальше учиться помешала война. В период учебы в институте она познакомилась со студентом Василием Лапшиным. Провожала его на фронт, подарила свою фотокарточку с надписью «Пусть тебя озарит счастливая звезда». Василий вернулся с Победой, фотография всю войну была при нем как талисман.

Сейчас находится в нашем семейном архиве. Немцы оккупировали Чугуев в конце октя-

бря 1941 года. Из-за тяжелой болезни бабушки А.Ф. Каргиной, которая была парализована, семья не имела возможности эвакуироваться, осталась в городе. Отец Ирины, известный в Чугуеве доктор Кузьма Потапович, продолжил врачебную деятельность в условиях оккупации по поручению законных властей. Дочь помогала отцу по уходу за ранеными пленными бойцами и больными в госпитале, тифозном инфекционном бараке. Ирина вела дневник. Несмотря на строгий запрет, он опубликован. В нем описаны впечатления о злодеяниях фашистов, жизни в оккупированном городе. Молодая девятнадцатилетняя девушка с ненавистью обо всем этом пишет, не теряя в то же время веру в нашу Победу.

В августе 1943 года Чугуев освободили наши войска. Осенью возобновились занятия в институте. Студенты занимались в полуразрушенных, холодных аудиториях, многие недоедали, даже встречались опухшие от голода. Однако уже чувствовалось преддверие неизбежной Победы, на трудности не сетовали, был энтузиазм и душевный подъем. В институт из Чугуева добираться было очень трудно, поезд практически не ходил, не говоря уже о чем-то вроде автобуса. Ирина добиралась на попутных грузовиках, лежа в кузове, так человека не заметно со стороны. Шоферам категорически запрещалось брать пассажиров под страхом наказания по законам военного времени. Кое-кто все же решался, но были дни, когда в Харьков

приходилось добираться пешком, а это 40 километров. Ну и что, ведь после ужасов рабского существования такие мелочи за серьезные трудности не принимались, была молодость, воодушевляла мысль о скорой Победе, возможности приобрести желанную профессию.

Студентка Ирина была круглой отличницей. Ректорат института выдвинул ее на представление к Ленинской стипендии. В то время это для студента было наивысшим поощрением. Однако кафедры общественных наук и военная кафедра выступили против, ведь она была на оккупированной территории (ох уж эти идеологизированные кафедры, они задавали тон в институте). Пребывание в оккупации было серьезным пожизненным клеймом. Стипендию не дали. Во всех анкетах приходилось об этом писать. Человек оказывался как бы не совсем полноценным и благонадежным, не продвигался по службе, случались и другие проблемы. Тем не менее институт был успешно с отличием закончен, даже военная кафедра присвоила выпускнице звание старшего лейтенанта. Ирина Кузьминична Цехмистро поступила в аспирантуру.

С фронта вернулся студент Василий Иванович Лапшин. Будущий инженер, был восстановлен на учебе на том же курсе, с которого ушел добровольцем. Молодые люди решили пожениться, что и произошло в 1947 году. Через год в любви родился автор этих строк, но с аспирантурой пришлось распрощаться из-за трудностей со мной. Молодая семья вернулась в родной город. Молодой доктор пришла на работу в качестве участкового детского врача.

В те годы декретный отпуск предоставлялся на два месяца. Пришлось нанять няню.

Работы было очень много, в послевоенные годы наблюдался бум рождаемости. Заболевания у детей протекали тяжело из-за бытовой неустроенности, недоедания. Антибиотики в те годы были большой редкостью. За успех в лечении спрашивали с врача строго. Мама часто советовалась со своими родителями о назначаемом больным детям лечении (отец был врачом, а мама фармацевтом). Случилось так, что в чугуевской больнице появилась вакансия врача — рентгенолога. После курсов по рентгенологии с начала пятидесятых мама стала работать в этой специальности, ставшей ее выбором, призванием и любовью на всю жизнь.

Рентгеновская аппаратура была весьма примитивной, давала большое излучение. Когда я, случалось, заходил в рентгенкабинет, там всегда пахло озоном, как в грозу — воздух ионизировался от работы рентгенаппарата. Работать на такой технике было крайне вредно,

ведь производились не только рентгенограммы, когда рентгенолог мог быть под какой-то защитой, но и многих пациентов приходилось обследовать под экраном, когда доктор не был защищен. Существовали допустимые нормы облучения, но их сплошь и рядом приходилось превышать, ведь тяжелые больные жалеть не могли. Я наблюдаю за работой современных рентгенологов, у них аппаратура иная, цифровая, работать за экраном они не стремятся, да и особой необходимости в этом нет. Все больше компьютерных и иных томографов, дающих исчерпывающую информацию о состоянии того или иного органа или системы. Врач при исследовании находится в отдельной комнате и от облучения гарантирован. В большой степени рутинные рентгеновские исследования заменила ультразвуковая диагностика, не причиняющая вреда. В пятидесятые — семидесятые годы о таком и мечтать не приходилось. Особенно губительными для врача — рентгенолога были призывные кампании, когда под экраном приходилось смотреть сотни призывников. Флюорографии не было. Никакие доводы о том, что это крайне вредно и опасно для рентгенолога во внимание не принимались. «Вы срываете призыв, вы что, против Советской власти?». Генетический страх времен сталинщины еще был силен. Приходилось работать. Что стоило здоровье какого-то врача, когда стоят такие государственные задачи!

Мой отец самостоятельно соорудил защитную свинцовую ширму, однако она не защищала голову рентгенолога. Работа в подобных условиях не могла не сказаться пагубно на здоровье, что и не замедлило дать знать о себе. Здоровье мамы пошатнулось, при обследовании в Харьковском институте мединститута у нее диагностировали тяжелую лучевую болезнь. Долгительное лечение принесло некоторое облегчение, однако работать рентгенологом было категорически запрещено.

Пришлось менять специальность, переучиваться. Какое-то время Ирина Кузьминична работала заведующей баклабораторией санэпидстанции. Однако все это было не то. Она в силу своего характера привыкла быть лидером, излагать истину в последней инстанции, стремилась, чтобы к ней прислушивались, огромный опыт это предполагал.

Помню рассказы о правильно поставленных при рентгеновском исследовании диагнозах и как результат — своевременно и обоснованно проведенных операциях, о том, что ее ценят доктора и пациенты. И даже авторитетнейший хирург и главный врач больницы А.А.Бурцев неизменно прибегает к ее помощи в диагностике,

зная ее квалификацию и безупречную репутацию. Рентгеновские диагнозы подтверждались при операциях. Знающие Ирину Кузьминичну коллеги и пациенты подтверждали эти слова.

Мама была абсолютной бессеребренницей, о каких-то подношениях от благодарных пациентов не могло быть и речи. Семья жила скромно. Покупка мутоновой шубы являлась большим событием с последующим возвращением долгов. Мы все жили в квартире деда. Быт был незатейливым, газ и водопровод в квартире отсутствовали, воду носили в ведрах из уличной колонки на специальном коромысле, топили печь дровами или углем, на ней и готовили.

Подруга мамы Елена Андреева (Елочка), выйдя замуж, переехала в Ленинград, пригласила маму (Цешечку) к себе в гости. В Чугуев пришла телеграмма: «Ира, приезжай, на Невском кладут фенем». Тогда укладка волос фенем вошла в моду, была новинкой, мало кто знал, что такое фен. Лена, конечно, шутливо вложила в текст иной смысл. Телеграмму не хотели отсылать, работники телеграфа усмотрели в ней какой-то шифр.

В середине пятидесятых родители побывали в Ленинграде, увидели восстановленный после войны Петергоф, красивейшие дворцы, соборы, были полны яркими впечатлениями. Остановились у Лены в коммунальной квартире. Мама впервые увидела газовую плиту и оценила ее преимущества, газовую колонку в ванной, обои на стенах, была в восторге. В заштатном Чугуеве ничего этого еще не было. Общались с блокадниками, были потрясены их рассказами об ужасном голоде и лишениях на протяжении девяти сот дней.

Мама любила общество, общение с людьми. Наш дом нередко оказывался полон гостей. Все садилось за большой старинный делов стол (он сейчас в краеведческом музее), общались, рассказывали разные истории, смеялись, пели песни, отец хорошо пел, мама немного играла на пианино. Обедали, пили вино, играли в лото (любимая игра), в карты. Заводили патефон, танцевали. Пластинки выпускал Апрелевский завод, скорость вращения 78 оборотов, на одной стороне было записано только одно произ-

ведение, при падении на пол пластинка разлеталась на куски. Помню песни Утесова и Шульженко, танго «Маленький цветок» и «Брызги шампанского». Мужчины носили широченные брюки и пиджаки с подложенными плечами. Женщины были в нарядных крепдешинных платьях, туфлях на каблуках с непременными белыми носочками по моде тех лет. Даже летом было принято поверх платья надевать что-то вроде пыльника из светлой легкой ткани. В моде были женские шляпки, а мужчины (как кинематографические американцы) при наличии костюма тоже носили шляпы.

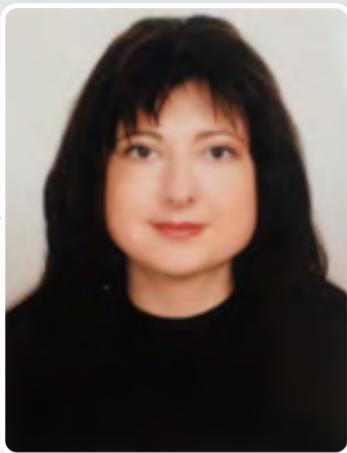
В начале семидесятых доктор Ирина, несмотря на настоятельные предостережения специалистов — радиологов, вернулась к своей любимой работе рентгенолога. Не могу не упомянуть по-доброму ее коллег по профессии Т.П. Маковецкого, Г.Ю. Юринскую, М. Жукова, М. Чегликова. Это были подвижники, мастера своего дела. С ними обсуждались диагностические проблемы, вырабатывались единственно правильные решения.

Мама была инициатором традиционных встреч выпускников первой чугуевской школы. Среди них были известные люди, поэт Борис Чичибабин, многолетний директор школы Алексей Солодовник, полковники, генералы, известные журналисты (В. Тесленко). Встречи никогда не были скучными, организовывались и застолья, и выезды на природу, и посещения местных музеев, родной школы. Всегда делались памятные фотографии.

Продолжалась интересная и столь любимая работа. Однако условия труда и аппаратура были прежними, стало подводить и до этого не слишком крепкое здоровье. Работать становилось все труднее, все больше манифестировала лучевая болезнь. Надо было уходить на пенсию и серьезно беречь себя. Но как же без любимой работы? Она трудилась почти до конца. Мама умерла в 1990 году от обширного инсульта, явившегося следствием лучевой болезни, умерла в том же больничном здании, где трудилась всю жизнь. Ее жизнь — это яркий пример подвижничества, служения профессии и долгу.

Наталья Маслова

Ассистент кафедры нормальной физиологии, кандидат медицинских наук

Памяти отца

Он дарил людям свет

Мой отец, Михаил Александрович Пеньков, родился 8 ноября 1923 г. в г. Актюбинске (Казахстан). В 1940 г. он с золотой медалью окончил среднюю школу и поступил в военную авиационную школу стрелковых бомбардиров в городе Чирчик Ташкентской области, после которой учился еще во 2-ой Высшей школе штурманов и летчиков в городе Мары Туркменской ССР. С декабря 1943 г. по август 1946 г. он служил в авиации дальнего действия штурманом и вместе со своим 9-м Гвардейским Полтавско-Берлинским полком, входившим в состав Гвардейской авиационной Севастопольско-Берлинской дивизии дальнего действия, принимал участие в боях за Севастополь, Бобруйск, Минск, Брест, а в дальнейшем за овладение городами Будапешт, Кенигсберг, Гданьск, Берлин. В семейном архиве хранится перечень благодарностей от Верховного Главнокомандующего за отличные боевые действия на этих участках, а также медали за освобождение этих городов. О своих военных буднях папа вспоминал в статье «Генеральное наступление на Берлин», которая была напечатана в одном из номеров институтской многотиражки «За радянського лікаря» в 1985 г. Я привожу ее без сокращений.

Генеральное наступление на Берлин

Шла весна победного 1945 года.

В начале апреля активность авиации дальнего действия уменьшилась. За несколько дней до середины апреля вылеты прекратились совсем. Вечером 15 апреля было приказано всему личному составу: после ужина лечь спать. В час

ночи была объявлена боевая тревога и личный состав на машинах был вывезен на аэродром.

Самолеты были полностью готовы к вылету, и мы получили приказ лететь на передовую, что никогда авиации дальнего действия не поручалось. Один за другим тяжелые самолеты двинулись на запад. На рассвете достигли обороны противника. Линия фронта была обозначена тысячами прожекторов, которые освещали передний край врага. Самолеты шли один за другим, эскадрилья за эскадрилей, сбрасывая свой смертоносный груз на укрепленные позиции немцев. В воздухе были хорошо видны многочисленные залпы орудий, ломающие оборону противника.

После бомбометания вернулись на аэродром. Было отпущено очень мало времени на заправку самолета топливом, легкий завтрак экипажей тут же, у боевых машин.

Затем состоялся второй вылет на передний край. В воздухе вблизи линии фронта находилось одновременно множество самолетов, которые летели в сторону укреплений противника. Выше — тяжелые самолеты дальнего действия, ближе к земле — штурмовики и истребители. Наносились многочисленные удары по дислокации противника, накоплению боевой техники.

И вот 20 апреля был отдан приказ бомбить железнодорожный узел Берлин — Запад. Я раньше всех вылетел с аэродрома, подошел к цели в час ночи, но земля еще не была освещена. Через несколько минут впереди пока-

зались «са-бы» — авиабомбы, которые светятся. Они были подвешены на парашютах. Стало хорошо видно землю. Перед самой целью радист сообщил, что сзади к самолету подходит «боинг». Я приказал открыть огонь, стараясь не подпустить близко чужой самолет. Сразу после того, как была отдана команда открыть огонь, от вражеского самолета, а им оказался не «боинг», а ночной истребитель немцев «Мессершмидт-110», прозвучали две длинные очереди из пушек по кабине радиста и стрелка. Внутренняя связь оборвалась. На многочисленные вызовы никто не отвечал. При повторной атаке противника длинной очередью из пулемета были пробиты бензобаки первой группы, и машина загорелась.

Бомбы были сброшены, и на горящей машине мы повернули в сторону фронта. Нечего было и думать о том, чтобы выбраться с парашютом, так как под нами были немецкие части и нас бы расстреляли еще в воздухе. Нужно было лететь к линии фронта, несмотря на опасность взорваться в воздухе. Опасность заключалась в том, что после выгорания бензина его пары взрываются, а вместе с ними и самолет с экипажем.

Все-таки нам удалось дотянуть до линии фронта. Я сообщил экипажу обстановку, указал наши координаты, высоту полета, время и отдал приказ выбрасываться из горящего самолета.

У меня обгорел комбинезон, начал тлеть парашют, оставаться дальше в самолете было невозможно. После отделения от самолета меня охватило пламенем. Мелькнула мысль, что раскрывать сейчас парашют опасно, и я камнем полетел к земле, считая про себя секунды. Через пять секунд я раскрыл парашют. Сразу наступила тишина. Слышны были только голоса и выстрелы с земли. Над собой я увидел еще два купола парашютов: кто-то из экипажа не смог выбраться из самолета и сорвался вместе с ним. В воздухе я отстегнул лямки парашюта, подготовил пистолет и, ударившись о землю, сразу же отскочил в сторону. В этот момент раздалось несколько автоматных очередей. Я остался жив. Послышались голоса. Это были бойцы наших передовых частей. Они помогли мне поздно ночью отыскать еще двух членов экипажа, один из которых погиб еще в воздухе, а второй повредил себе ногу при ударе о землю.

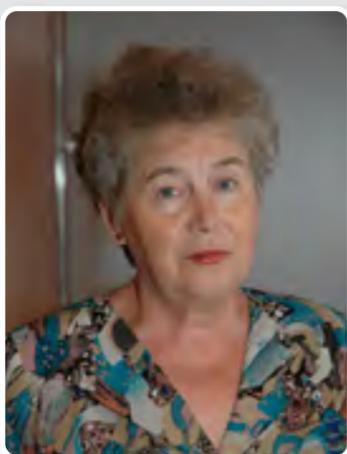
Это произошло под Берлином, и я мог бы с передовыми частями войти в фашистское логово, но необходимость скорейшего возвращения в летную часть и травма пилота заставили меня вернуться в действующий полк. А там опять боевые вылеты...

Профессор, заведующий кафедрой глазных болезней М. Пеньков.

После войны папа с отличием окончил Киргизский медицинский институт и стал офтальмологом. Сколько полезного успел он сделать и в мирное время на медицинской ниве! Он был не только замечательным специалистом-офтальмологом, но и организатором здравоохранения, и исследователем-изобретателем медицинского инструментария. По заданию Министерств здравоохранения РСФСР и СССР в г. Кисловодске он создал специализированное отделение для больных глаукомой, а в г. Иванове организовал и возглавил кафедру глазных болезней во вновь открытом Кемеровском медицинском институте. В Харьковском медицинском институте, куда он был избран по конкурсу, 20 лет возглавлял кафедру глазных болезней. Среди больных и сотрудников папа пользовался большим уважением и авторитетом. Он является автором 25 изобретений и 115 рационализаторских предложений. Под его руководством был создан первый отечественный фактоэмульсификатор «УЗОР-01», он автор трехзеркального гониоскопа, который практически освободил государство от закупки за рубежом аналогичного прибора. Мой отец впервые в Харькове внедрил микрохирургическую технику в лечение глазных болезней и активно внедрял лазерные методы лечения. Многого можно было бы еще рассказать о моем отце, которого я очень люблю и которым горжусь, но лучше я приведу здесь стихи сотрудников кафедры, в свое время посвященные ему:

Он всем несчастным дарит счастье
Природы, мира созерцанья!
Его талант, и ум, и руки
Всех избавляют от страданья!
Он — наш кумир, руководитель,
Наставник наш и наш учитель.
Его бесценную улыбку
Мы ждем с надеждой и терпеньем,
Его напутственное слово
Вселяет силы, вдохновенье.
Мы за его растущей славой
Следим с растущим интересом,
Не надо мудрствовать лукаво —
Скажите, кто он?
Наш ПРОФЕССОР...

Жаннета Перцева

Директор Народного музея истории Харьковского национального медицинского университета

Родилась в городе Липецке в семье кадрового военного. Закончила Харьковский государственный университет. Работала преподавателем русского языка и литературы.

1 сентября 1999 г. начался новый и, как говорит Жаннета Николаевна, «последний этап моей рабочей жизни». Она буквально возродила музей Харьковского национального медицинского университета, подняв его за эти годы до уровня одного из лучших вузовских музеев г. Харькова.

За эти годы проделана огромная работа, издано много прекрасных книг об истории медицины Харькова. Самой Жаннетой Николаевной написано и опубликовано около 400 статей, в частности для «Энциклопедії Сучасної України», для журналов, газет и других изданий.

Живая книга знаний

Известно, что фундатором харьковской научной школы хирургии является широко известный хирург второй половины XIX века Вильгельм Федорович Грубе (1827–1898). Уроженец Курляндии (ныне Эстония), воспитанник Дерптского университета, он вторую половину своей жизни — а это почти 40 лет — посвятил Харькову, беззаветному служению медицине и развитию хирургии Слобожанщины.

Ко времени приезда в Харьков (1859), где он участвовал в конкурсе на замещение вакантной должности руководителя кафедры оперативной хирургии и хирургической клиники, он защитил две докторские диссертации и произвел около 10 тысяч операций в Кронштадтском госпитале. Будучи единогласно избранным советом профессоров, В.Ф.Грубе до конца жизни возглавлял факультетскую хирургическую клинику, стремясь внести в ее деятельность все новое, что появлялось в хирургии. Он сыграл большую роль в деле развития отечественной антисептики и асептики, одним из первых в России начал проводить операции по поводу ущемленных грыж, водянок головного мозга, резекции суставов, операции на печени и поджелудочной железе. Вильгельм Федорович стал инициатором создания в Харькове одного из первых в стране Харьковского научного медицинского общества, которое уже более 150 лет продолжает свою деятельность. Историк медицины Г.А.Колосов ут-

верждал, что «по совокупности дарований и личных качеств Грубе был исключительно большим хирургом». Интересен исторический факт, свидетельствующий о том, что Н.В.Склифосовский приглашал В.Ф.Грубе как опытного и авторитетного хирурга к участию в консилиуме у постели тяжело больного Н.И.Пирогова, диагностировавшем у него рак верхней челюсти. Известно также, что Н.И.Пирогов «выражал желание, чтобы в случае, если будет нужна операция, ее делал бы Грубе».

Вместе с тем это был выдающийся педагог, воспитатель молодых хирургов. Он учил своим примером, своим отношением к людям, к больному, к делу. Придавая большое значение клиническому образованию, где он видел ту «часть науки, от которой зависит превращение студента во врача», В.Ф.Грубе учил самостоятельно мыслить, анализировать картину болезни, быть критичными по отношению к себе в случае неудачи и не перекладывать вину на существующие методы.

Вильгельм Федорович был человеком дела и служил для своих питомцев примером неустанной и кипучей деятельности. Один из них — М.М.Кузнецов, в дальнейшем профессор Варшавского университета — говорил, что девизом профессора могли быть слова «Res — non verba» («Больше дела — меньше слов»). Это же восприняли от него многие ученики. По уставу 1884 г.

в Харьковском университете было 4 хирургических кафедры, руководителями которых были ученики В.Ф.Грубе.

Будучи выдающимся диагностом и клиницистом-мыслителем, Вильгельм Федорович прекрасно понимал психологию больного человека, роль врача в его жизни и учил студентов понимать больного и не ограничивать своей помощи «холодными знаниями», но и «уделять ему также толику от своего теплого сердца».

В.Ф.Грубе был прекрасным лектором. По свидетельству ученика профессора — известного стоматолога первой половины XX века М.Б.Фабриканта — «лекции его проявляли не только блестящую эрудицию, но еще и блистали остроумием и творчеством, увлекали аудиторию. Живым словом он приковывал к себе внимание слушателей, он сам был для них живой книгой».

В 1893 г. при проведении операции септического ребенку Вильгельм Федорович поранил себе руку и заболел тяжелым сепсисом (как писали тогда, «гнилостным заражением крови»). От смерти его спасли ученики — студенты и врачи, — преданно и самоотверженно ухаживавшие за ним. Они дежурили возле постели больного днем и ночью, стараясь облегчить его муки. После выздоровления, как вспоминал еще один его ученик — Г.А.Бердичевский, в будущем заслуженный врач Украины, профессор отблагодарил их «замечательной лекцией о значении ухода за больными». Однако жизненные силы 66-летнего профессора были подорваны, восстановиться полностью он уже не смог и в 1898 г. умер, оставив последнее распоряжение: всю его огромную медицинскую библиотеку передать в собственность факультетской хирургической клиники. В музее истории ХНМУ экспонируется одна из книг этой библиотеки.

Заветом учителя студентам остались его слова из Актовой речи, прочитанной им в начале деятельности в Харькове: «В клинике, у постели страждущих, наблюдайте спокойно и с присутствием духа, учитесь облегчать или удалять болезнь; учитесь спасать, где спасение возможно, и не забывайте никогда высокого назначения той науки, которой вы предали!»

Доброе сердце учителя Н.С. Бокариуса

Николай Сергеевич Бокариус — воспитанник известной в свое время Ришельевской гимназии в Одессе, уже с отроческих лет проявил недюжинные педагогические способности. Начиная с 5-го класса, он стал заниматься репетиторством, а в 7-м классе ему поручили заведование

физическим кабинетом. В Императорский Харьковский университет он приехал с характеристикой, в которой директор рекомендовал его как «весьма опытного репетитора». У него сложился уже обширный круг знаний, он хорошо владел словом, прекрасно рисовал и чертил, что позволило ему в студенческие годы не только выжить самому, но и помогать матери и сестрам.

В студенческие годы Н.С.Бокариус под руководством профессоров В.Я.Данилевского и С.А.Раевского работал в комитете по устройству народных чтений. Даже после окончания университета он еще некоторое время продолжал вести чтения в читальне на Москалевке и в ночлежном доме на Благовещенском рынке. Две его большие статьи были помещены в книгах, посвященных медицине, в «Народной энциклопедии научных и прикладных знаний», которую Харьковское медицинское общество издавало для людей, не имеющих возможности получить образование, но желающих знать больше.

Окончив университет и став его преподавателем, Николай Сергеевич стремился так построить учебный процесс, чтобы студент из пассивного слушателя превратился в активного и самостоятельного его участника. Для этого он с 1902 года почти 19 лет безвозмездно заведовал городским трупным покоем (моргом), чтобы студенты имели возможность беспрепятственно заниматься там. Первой книгой, которую он выпустил в 1910 г., был не научный труд, их у него впоследствии было много, а учебное пособие «Судебно-медицинские микроскопические и микрохимические исследования вещественных доказательств». В предисловии автор объясняет задачу, которую ставил перед собой, работая над пособием: «Желая облегчить труд тем, кому придется иметь дело с такого рода исследованиями, я и решил выпустить предлагаемую книгу — первый опыт подобного труда в нашей литературе». Чтобы сделать подготовленные им пособия более дешевыми для студентов, Н.С.Бокариус издавал их одноцветными и затем вручную раскрашивал таблицы, не увеличивая стоимости. Он преподавал на медицинском и юридическом факультетах университета, в Женском медицинском институте и в художественной школе, читал основы медицинских знаний в гимназиях, школах, на различных курсах. Во время Первой мировой войны под его руководством и при его непосредственном участии была подготовлена целая армия медсестер, санитаров, дезинфекторов. В первое десятилетие после Октябрьской революции он готовил милицейские кадры.

Кристалльная честность Николая Сергеевича, его чуткость, открытость, благожелательность

привлекали к нему всех, с кем он общался. Его авторитету способствовали колоссальный опыт и широкий кругозор. Он всегда был окружен людьми, стремился помочь каждому и не только обратившемуся к нему за помощью. И одновременно он был опытейшим экспертом, на авторитет которого в своих трудах ссылались западно-европейские ученые, цитировавшие его в своих руководствах по судебной медицине. Об отношении студенчества к Н.С.Бокариусу свидетельствует приветственный адрес, преподнесенный ему выпускницами Женского медицинского института в 1915 г., под которым стоит 150 подписей. Приводим его полностью. «Николай Сергеевич! Мы закончили наши экзамены; еще несколько дней и мы разъедемся в разные концы России — великой многострадальной России... В тяжкое время вступаем мы в жизнь, и на пороге ответственной работы, которая ожидает нас, мы оглядываемся назад, на наши учебные годы.

И среди образов, связанных с ними, всех ярче, всех ближе нашему сердцу и нашей душе — Ваш образ, дорогой Николай Сергеевич!

Не тем приобрели Вы нашу глубокую привязанность, что были добры к нам той добротой, что только и могут знать большие сердца; не тем, что моральной поддержкой Вашей Вы облегчили нам экзаменационные волнения и горести, — в Вашем лице мы чуяли сердцем и видели разумом одного из тех людей, кем создается в чистоте и красоте ее духовная жизнь России, мы видели в Вас учителя, у кого наука сливается с жизнью в гармоническое целое.

И в полный тревоги момент, в который открывается наша жизненная деятельность, воспоминание о Вас будет нам светлой радостью».

Начало харьковской оториноларингологии

Выпуск медицинского факультета Харьковского университета 1888 года был значительным по количеству инициативных и способных молодых врачей. Из их числа впоследствии вышли известные специалисты, ставшие профессорами, продолжавшими дело своих учителей. Это хирурги Б.Г.Пржевальский и Б.М.Фабрикант, терапевт С.Г.Якушевич, фармаколог Я.Я.Постоев и др. И лишь одному из них — Степану Гавриловичу Сурукчи, выбравшему для себя оториноларингологию, пришлось начинать практически с пустого места.

А вместе с тем, если принять во внимание статистику ЛОР-заболеваний в бывшей царской

России, сама жизнь требовала решения этого вопроса. Болезни уха, горла и носа составляли около одной трети всех заболеваний вообще, на 150 смертей одна смерть была следствием гнойного отита. Между тем оториноларингология как отдельная медицинская дисциплина не существовала вообще, она не преподавалась в университетах и не входила даже в минимум тех профессиональных требований, которые предъявлялись к выпускникам медицинских факультетов.

Именно в этой области стал впоследствии широко известным и востребованным специалистом Степан Гаврилович Сурукчи. Его по праву называют основателем школы отоларингологии Харьковщины.

Тяжелую жизненную школу пришлось ему пройти, прежде чем он приобрел знания и мастерство в этой части медицины. Окончив отлично Кишиневскую классическую гимназию, он мечтал о поступлении на медицинский факультет Харьковского университета, но отец был категорически против и лишил его денежного содержания. Лишь на следующий год Сурукчи все-таки поступил в университет. В списках студентов медицинского факультета за 1885–1886 академический год находим запись: «Сурукчи Стефан Каприелович, из купцов, армяно-григорианского вероисповедания. Родился 22 декабря 1862 г. в Григориополе (Бессарабия, ныне Молдова. Прим. авт.). В студенческие годы он постоянно испытывал недостаток средств, в связи с чем, как вспоминал впоследствии профессор Я.Я.Постоев, «на 2-м курсе был даже уволен из-за невзноса платы за обучение».

Учился Степан Гаврилович с большой охотой. Увлечшись на старшем курсе внутренними болезнями, он посещал не только лекции, но и амбулаторный прием в факультетской терапевтической клинике. Судьба подарила ему встречу с прекрасным преподавателем и человеком — Валерианом Григорьевичем Лашкевичем. Будучи выдающимся диагностом, профессор учил студентов не только профессиональному мастерству, но и медицинской этике, утверждая, что «нет ничего возвышеннее и красивее на земле задачи врача...». Он сам был для них примером бережного, чуткого, внимательного отношения к больному, и это воспринял от него благодарный ученик. Современники вспоминали, что, став известным врачом и сделав тяжелую операцию в амбулаторных условиях (за неимением клиники), Сурукчи подчас забирал больного к себе домой, чтобы в домашних условиях долечить его.

Окончив университет, С.Г.Сурукчи по предложению профессора И.Н.Оболенского, ставшего

после смерти В.Г.Лашкевича руководителем факультетской клиники, был оставлен на ней ординатором. Уже тогда он начал собирать и изучать сообщения о патологии уха, горла и носа, приобретать и накапливать собственный опыт в этой области. Надо было ехать за границу для приобретения специальных знаний, но у С.Г.Сурукчи не было для этого материальной возможности. И тогда профессор И.Н.Оболенский, видевший увлеченность своего ординатора новой специальностью, которой так не хватало в Харькове — признанном научном центре Слобожанщины, — отправил своего одаренного ученика для обучения в лучшие европейские клиники, причем все расходы, связанные с этой поездкой, взял на себя.

Почти год пробыл Степан Гаврилович за границей и по возвращении показал себя не просто отличным врачом, но и страстным пропагандистом новой специальности. Он вел амбулаторный прием в факультетской терапевтической клинике и в лечебнице Красного Креста, организовал кабинет для приема больных в Александровской больнице, куда безвозмездно передал хирургических инструментов на 2 тыс. рублей, и одновременно начал читать бесплатный курс лекций по оториноларингологии при клинике для тех врачей и студентов, которые желали совершенствоваться в новой науке. О напряженности его работы свидетельствует сообщение газеты «Южный край» о том, что только за 8 месяцев 1902 г. на приеме у С.Г.Сурукчи в кабинете при Александровской больницы побывало около 3 тыс. человек. Он становится настолько востребованным, что друзья шутят: «Если бы Сурукчи поселился на необитаемом острове, то и там найдут его больные».

Кроме врачебной деятельности, С.Г. Сурукчи проявил себя активным общественным деятелем. В музее истории ХНМУ есть фотографии, запечатлевшие его в составе опекунского совета Александровской больницы, среди лиц, присутствующих на открытии больницы Л.А.Гиршмана. А на одном из снимков мы видим группу людей за накрытым для чаепития столом, среди которых присутствуют Степан Гаврилович с женой и замечательный русский певец Ф.И.Шаляпин. В 1905 г. С.Г. Сурукчи лечил певца, часто выступавшего в Харькове, от дисфонии голоса, что связало их дружескими узами на всю последующую жизнь.

С.Г. Сурукчи продолжал совершенствовать свое мастерство. Он овладел новыми — прямыми методами исследования верхних дыхательных путей и пищевода и стал широко использовать их в повседневной практической деятельности. Росло число его учеников, которым

он передавал свой богатый клинический опыт, он сдал экзамены на степень доктора медицины, но вопрос о введении преподавания в университете отдельной дисциплины — оториноларингологии — оставался не решенным. Лишь после октябрьской революции 1917 г. Народный комиссариат образования (НКО) Украины, куда С.Г.Сурукчи настойчиво обращался с предложением об образовании самостоятельных кафедр ЛОР-болезней в медицинских институтах, которое подкрепил убедительными расчетами и разработанными учебными планами, положительное решение было принято. В 1922 г. вышло Постановление НКО УССР о введении в медицинских вузах обязательного преподавания оториноларингологии как отдельного предмета и организации самостоятельных кафедр. 4 октября такая кафедра одной из первых в Украине была создана в Харьковском медицинском институте. Возглавлял ее доктор медицинских наук профессор С.Г. Сурукчи.

А вскоре под его руководством в Харькове была развернута первая клиника, в которой осуществлялась неотложная специализированная хирургическая помощь больным при ЛОР-патологии. За первый же год ее существования Степан Гаврилович произвел здесь 460 операций. В это время ему было уже 60 лет, но возраст не стал помехой в осуществлении им мечты всей жизни. С большим энтузиазмом он решал вопросы, связанные с размещением клиники, оснащением ее инвентарем, учебными пособиями, укомплектованием квалифицированными кадрами, многие из которых были его учениками. Не было отечественных специальных инструментов, и профессор без колебаний передал для будущей клиники весь свой богатый инструментарий, приобретенный им в свое время за рубежом.

В дальнейшем он стал инициатором создания научно-практической секции оториноларингологов в составе Харьковского медицинского общества, принимал активное участие в подготовке ко II-му профессиональному съезду, большие усилия приложил к созданию в 1930 г. в Харькове Украинского научно-практического института оториноларингологии. О широкой известности и авторитете С.Г.Сурукчи свидетельствует большое количество поздравлений, полученных им от коллег и пациентов из многих городов страны в дни празднования 40-летнего юбилея врачебной, педагогической, научной и общественной деятельности в 1928 г. Они чествовали человека, заложившего краеугольный камень в фундамент отечественной оториноларингологии.

Вячеслав Томилин

Кандидат медичних наук, доцент кафедри ортопедическої стоматології. Магістр педагогіки вищої школи

«Наука — претяже всього!..»

Памяти наставника...

На кафедре ортопедической стоматологии ХНМУ под руководством Виктора Павловича Голика я начал работать с апреля 2001 года. Эта дата разделила мои взаимоотношения с ним на «до» и «после». До этого я знал Виктора Павловича как наставника в профессии и в семейной жизни. А после этой даты — как непосредственного начальника, научного руководителя. Именно с этого момента мне приходилось разграничивать отношения с ним на «семейные» и «рабочие». Это мне удавалось, прямо скажу, не очень легко, но именно это позволило мне всесторонне разглядеть грани его характера. Стоит отметить, что на самом деле Виктор Павлович очень трепетно относился к своей семье и очень серьезно к своим обязанностям на работе. Он старался оберегать своих домочадцев, не посвящая их в суть тех неприятностей, которые, как и у всех, возникали на работе. Так же и со сослуживцами он старался не обсуждать дела личные, семейные.

Доктор медицинских наук, заслуженный профессор, заведующий кафедрой ортопедической стоматологии ХНМУ Виктор Павлович Голик родился 27 ноября 1946 года в городе Харькове в семье рабочих и служащих. Он всегда был окружен заботой и любовью родителей.

Мама, Клавдия Даниловна (в девичестве Турчанинова), работала секретарем-машинисткой. Отец — Голик Павел Трофимович — фронтовик, орденосец, участвовал в военных операциях по освобождению Харькова, выполнял

задачи в разгроме немецко-фашистской армии, прошел Польшу от реки Висла до реки Эльба, в 1945 году принимал участие в Берлинской наступательной операции. В мирное, послевоенное время он продолжал работать шофером; последним местом работы была должность водителя санитарного автомобиля в Харьковской областной стоматологической поликлинике. Отец все время опекал сына, старался, чтобы он ни в чем не нуждался, заботился о всестороннем его развитии. Мало кто знает, что маленький Виктор во время учебы в общеобразовательной школе №59 города Харькова, обладая абсолютным музыкальным слухом, учился и в музыкальной школе по классу «баян-аккордеон».

С уходом Павла Трофимовича из жизни оборвалась связь между отцом и сыном. Виктор Павлович тяжело переживал смерть отца...

Что ж, у каждого человека — своя судьба, история, свои взлеты и падения, бывает хорошо, бывает плохо, бывают и неудачи. В 1964 году Виктор Павлович окончил общеобразовательную среднюю школу №59 города Харькова, но поступить сразу в Харьковский медицинский стоматологический институт ему не удалось: он не набрал нужное количество баллов.

После неудачной попытки поступления в ХГМСИ он год проработал лаборантом Государственного предприятия «Специальное проектно-конструкторское и технологическое бюро электроаппаратуры НПО «Электроаппарат» и смог все-таки в следующем, 1965 году, поступить в Харьковский государственный

медицинский стоматологический институт. В Харькове он проучился недолго, вскоре Постановлением Совета Министров УССР №294 от 12 мая 1967 года ХГМСИ был переведен в город Полтава.

После окончания в 1970 году Полтавского медицинского стоматологического института работал врачом стоматологом в Рубежанской городской стоматологической поликлинике Ворошиловградской области до 1975 года. С самого начала самостоятельной работы активно подключился к общественной деятельности, был избран председателем профсоюза медицинских работников стоматологической поликлиники, был членом комсомольского бюро больницы, еще и активным политическим обозревателем (политинформатором). В 1974 году за достижения в общественной деятельности Голик В.П. был награжден знаком «Победитель социалистического соревнования 1973 г.»

В 1975–1977 годах Виктор Павлович учился в клинической ординатуре на кафедре терапевтической стоматологии Украинского института усовершенствования врачей, в этот период шло становление его как научного работника. После окончания клинической ординатуры ему предложили работать врачом стоматологом-ортопедом в Харьковской областной стоматологической поликлинике, где он работал вплоть до 1980 года.

В том же году он был избран ассистентом кафедры терапевтической стоматологии Украинского института усовершенствования врачей, а с 1995г. — доцентом этой же кафедры.

В 1989 году продолжалось мое обучение на стоматологическом факультете ХМИ, тогда же и состоялось мое первое знакомство с Виктором Павловичем. После знакомства со своей будущей женой, Татьяной Викторовной, я познакомился с её родителями: Воропаевой Людмилой Васильевной и Голиком Виктором Павловичем. Людмилу Васильевну я знал уже некоторое время и долго не мог поверить в то, что она приходится Татьяне мамой (фамилии ведь были разные). Кафедра терапевтической стоматологии ХМИ была в тот период куратором нашего курса, так сказать, нашими шефами. Людмила Васильевна занимала должность доцента и выполняла обязанности завуча кафедры, очень серьезная, мне казалось, женщина, я немного её даже побаивался. А с Виктором Павловичем мое знакомство прошло очень легко, он оказался очень открытым и приветливым, длительными беседами со мной не увлекался, всегда чем-то был занят, иногда улыбался. Татьяна уговорила его полечить мне зуб, второй премоляр на левой верхней челюсти,

который был ранее лечен и давал о себе знать. Виктор Павлович направил меня на рентгенологическое исследование, после чего резюмировал: «Будем лечить!..» У него виртуозно получилось снять с зуба коронку, раскрыть зуб, пройти корневой канал. Мне было страшно, но его отточенные манипуляции, уверенные действия моему страху не оставили никаких шансов. Посещений было несколько, и с каждой новой встречей мы успевали привыкнуть друг к другу, наше знакомство становилось всё ближе. Его методика пломбирования корневого канала меня, тогдашнего студента третьего курса, немного обескуражила: ведь я ещё о таком не слышал, хоть и прошёл к тому времени курс пропедевтики терапевтической стоматологии. Нет, я знал о пломбировании корневых каналов резорцин-формалиновым методом, но мне почему-то запомнилось, что стоматологическое кресло он перевёл в положение «лёжа», а меня попросил в том же положении запрокинуть голову назад. Импрегнация и пломбирование корневого канала прошли успешно. Я до сих пор вспоминаю этот эпизод с чувством высокой признательности Виктору Павловичу за оказанное мне тогда внимание, сделанное добро! Так стал он для меня авторитетом в «делах зубных». Прошло уже тридцать лет, и зуб о себе знать не даёт...

Голик Виктор Павлович всегда гордился быть учеником доктора медицинских наук профессора Никитина Валерьяна Алексеевича, под руководством которого в 1985 году он блестяще защитил кандидатскую диссертацию по теме «Лечение острых язвенных поражений слизистой оболочки полости рта пенным аэрозолем «Гипозоль». В 1986 году был участником ВДНХ СССР, получил бронзовую медаль за разработку и внедрение пенно-аэрозольного препарата «Гипозоль».

Следующим решительным шагом Голика В.П. в научных разработках была защита в 1994 году диссертации на соискание ученой степени доктора медицинских наук по теме: «Новые аспекты патогенеза, прогноза, лечения и реабилитации больных острыми язвенно-некротическими гингивостоматитами».

В тот период мы жили вместе. Каждый день вечером, после работы он садился за письменный стол с огромным ворохом бумаг, папок, фотографий. Бесконечно печатал на печатной машинке, часть текстов отрезал ножницами, к каким-то листам подклеивал. Наблюдать за этим процессом было безумно интересно, тем более, что иногда он проделывал эти манипуляции с внучкой на руках: она в тот же момент переставала плакать, следила за его дви-

жениями, наверное, не понимая: «Что он это такое делает?..» А он всё приговаривал: «Смотри, Настя, учись, тебе это пригодится! Будешь большим учёным!»

В сентябре 1996 года Голик Виктор Павлович возглавил кафедру ортопедической стоматологии Харьковского государственного медицинского университета. Опытный организатор учебной и научной работы кафедры, высококвалифицированный лектор, педагог, врач, учитель. Во время его руководства кафедрой осуществлялось становление будущей плеяды молодых ученых. Работая врачом-стоматологом ортопедического отделения Харьковской областной стоматологической поликлиники, я и не помышлял о научной карьере. Но в 2001 году после приглашения Виктора Павловича к себе на кафедру на должность старшего лаборанта я сделал выбор и согласился. Так я узнал Виктора Павловича как менеджера, умеющего работать с кадрами, как руководителя коллектива.

Его глубокая порядочность и высокие организаторские способности, позволили вышшему руководству предложить ему занять должность и выполнять обязанности декана стоматологического факультета ХНМУ. Эту должность он успешно совмещал с заведованием кафедрой в период с сентября 2001 по ноябрь 2005 года. Входил в состав ректората. Занимая эти посты, запомнился окружающим как энергичный, последовательный, активный администратор.

В октябре 2001 года ему было присвоено звание профессора, а в апреле 2005 присвоено звание «Заслуженный профессор ХГМУ».

Виктор Павлович Голик проявлял себя опытным преподавателем, высококвалифицированным врачом-стоматологом. Он умело сочетал педагогическую и научную деятельность, в полном объеме владел современными способами лечения и диагностики основных стоматологических заболеваний. Благодаря усилиям профессора В.П.Голика было организовано плодотворное сотрудничество с АО «Стома», которое позволило разработать и внедрить в производство и лечебную стоматологическую практику новые стоматологические материалы.

За годы работы профессор Голик В.П. опубликовал 535 научных работ, из которых 1 учебник, 12 монографий, 29 учебных и методических пособий, получил 56 патентов, принимал участие в научно-практических, учебно-методических конференциях, где неоднократно выступал с докладами по актуальным вопросам ортопедической стоматологии, подготовки кадров, организации учебного процесса.

Виктор Павлович Голик с 1998 года — член-корреспондент Международной академии ин-

тегративной антропологии. Входил в состав комиссии по медицине научно-методического Совета Министерства образования и науки Украины. Занимал должность заместителя председателя Харьковского отделения Ассоциации стоматологов Украины, был в составе Ученого совета ХГМУ и экспертом Центра тестирования МЗ Украины (экспертом комитета профессиональной экспертизы тестовых материалов лицензионных экзаменов). Принимал участие в составлении и рецензировании тестов. Входил в состав аттестационной комиссии по ортопедической стоматологии при Управлении здравоохранения облгосадминистрации комиссии по аттестации зубных техников. Неоднократно исполнял обязанности председателя Государственной экзаменационной комиссии.

Плодотворный многолетний труд заслуженного профессора Голика В.П. был отмечен также на государственном уровне: в ноябре 2006 года он был награжден почетной грамотой Кабинета министров Украины, в июне 2014 года — почетной грамотой МЗ Украины.

Виктор Павлович всегда пользовался заслуженным авторитетом среди ортопедов-стоматологов Украины, профессорско-преподавательского состава и студентов медицинского университета, с друзьями слыл энергичным, общительным, жизнерадостным человеком, любившим душевные компании.

Виктор Павлович никогда не любил лечиться, манипуляций, связанных с инструментами, избегал. Особенно не любил делать себе инъекции: «Я лучше таблеточку выпью!» — всегда говорил он. В последние годы Виктору Павловичу пришлось пройти очень серьезные испытания, связанные с лечением. Благодаря невероятным усилиям своей супруги Людмилы Васильевны он противостоял этим недугам, продолжая руководить кафедрой. В тот период он показал себя человеком с характером, с волей, скрывая от окружающих свое состояние, чтобы никто не смог видеть, каких усилий это ему стоило, как это было тяжело для него. Он сопротивлялся, но болезнь не отступила...

Голик Виктор Павлович ушел из жизни на 70 году жизни 3 июня 2016. Похоронен в Харькове на филиале 8-го городского кладбища, в двухстах метрах от Храма Казанской Иконы Божьей Матери (Серафимовская церковь). В этом Храме отпевали усопшего, совершая для его души благое дело. Молитвы, которые пелись во время отпевания, были для нас утешением, для тех людей, которые его любили при жизни, и в тот день находились в глубокой скорби...

Зміст

Поезія, проза	5
Алла Алексєєнко	6
Наталія Гужва	8
Хуана-Марія-Лола-Фейк-Софія д'Аморале.....	9
Денис Караченцев	12
Діана Крамаренко	13
Ганна Лісова	14
Роман Олентьєв.....	17
Петро Джерелянський	26
Ганна Сирова.....	27
Олена Табаченко	28
Володимир Федоров	30
Тетяна Чайченко	31
Олексій Юхновський	32

Образотворче мистецтво, фото, рукоділля..... 35

Анастасія Венцель	36
Олена Зінов'єва	38
Тетяна Золотарьова	40
Із-Зіг Юніс.....	41
Лілія Коровіна.....	44
Володимир Коробчанський.....	46
Олександр Морозов	48
Олена Огнева	49
Антон Олейник	51
Ольга Прасол	53
Юлія Сидора	55
Kulani Holeni.....	56
Magapu Veera Venkata Akhil	57
Malavika Rajesh.....	59
Salma Sameh Saleh.....	61
Thuraya Al-bhaisi	63
Urvashi.....	65
Vishali Kanojia	66

Спогади. Пам'ять..... 69

Ірина Бобіна	70
Катерина Бодня	74
Вікторія Бязрова.....	76
Ірина Єрмакович.....	77
Анатолій Журавльов.....	79
Микола Касьян	82
В'ячеслав Лапшин	83
Наталія Маслова	86
Жаннета Перцева.....	88
В'ячеслав Томілін.....	92

В альманасі зібрано твори різної тематики та жанрів, які присвячені темам кохання, віри в Бога, улюбленій професії тощо. Автори діляться з читачами переживаннями, які переповнюють душу, висловлюють повагу та любов до Батьківщини, діляться своїми спогадами.

Рекомендовано широкому колу читачів.

Літературно-художнє видання

Початок століття

Альманах

Творчі шукання співробітників,
викладачів і студентів
Харківського національного
медичного університету

*Відповідальній за випуск І.В. Летік
Дизайн та комп'ютерне верстання В. Ск!п, А. Победіна
Редактор С.О. Краснікова
Коректор Є.В. Рубцова*

Формат 60×90 1/8. Ум. друк. арк. 12,0
Тираж 300 пр. Зам. № 1705.

ХНМУ
м. Харків, 61022, пр. Науки, 4
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК №3242 від 18.07.2008 р.

Виготовлювач ТОВ «Золоті сторінки»
вул. Маршала Бажанова, 28, м. Харків, 61002
Тел./факс (057) 701-00-701
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК № 276 від 12.12.2000 р.